

ТОРИ МАЙРОН

В ПЛЕНУ

сердца

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тори Майрон

В плену сердца

Серия «Бессердечные», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67299866

SelfPub; 2024

Аннотация

Недавно я случайно столкнулась с мужчиной, который не только перевернул всю мою жизнь, но и вынудил спрятаться внутри себя, выпустив на волю другую сторону своей личности. Чужую. Астрономически далёкую. В корне противоположную мне. Ту, что не искусить, не соблазнить, не окутать чарами. Ту, чьё сознание не подчинить, а тело не растопить даже самыми жаркими ласками. Она абсолютно пуста и непроницаема. Она просто играет необходимые роли и при этом не чувствует ничего из того, что может помешать исполнению работы – ни стыда, ни совести, ни любви, ни ненависти. А это именно то, что мне необходимо, чтобы дать своему хозяину всё, что он так долго желал от меня получить. Третья книга серии.

Содержание

Глава 1	5
Остин	5
Глава 2	22
Остин	22
Глава 3	34
Остин	34
Глава 4	41
Николина	41
Глава 5	61
Адам	61
Глава 6	78
Адам	78
Глава 7	99
Николина	99
Глава 8	113
Адам	113
Глава 9	128
Николина	128
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Тори Майрон

В плену сердца

Третья книга серии «Бессердечные»

Глава 1

Остин

Похоть.

Низменная. Бесстыдная. Банальная. Пустая. Не содержащая в себе ничего, кроме жажды немедленного утоления голых инстинктов и страстных желаний.

Повернёшь голову направо – увидишь циничные, хищные улыбки мужчин. Они ведут у столов непринуждённые разговоры, пока профессионалки своего дела, стоя перед ними на коленях, ублажают их смачно покрашенными ртами.

Повернёшь налево – встретишь полуголых официанток, одна из которых вместо полирования бокалов в баре уже забралась на колени к пьяному толстосуму и, нырнув рукой в брюки, активно полирует его член.

Посмотришь прямо – задержишь внимание на плавных, соблазнительных движениях стриптизёрш. Они сжимают ногами вращающиеся пилоны и извиваются в золотых клетках как пойманные кошки – дикие, голодные и настойчиво требующие к себе внимания окружающих их возбуждённых самцов.

А метнёшь взгляд вверх на второй этаж клуба – наткнёшься на любителей потрахаться у всех на виду, «уединивших-

ся» в отдельной комнате с полностью прозрачными стенами, возле которых стоят пару дрючонов и всюду удовлетворяют себя, завороченно глядя на лайв-порно.

Да... В этом элитном стриптиз-клубе и правда нет места для стыда, стеснения и каких-либо запретов. Нет ничего, кроме похоти. Она везде. Со всех сторон. На каждом углу. В каждом элементе декора и роскошной мебели. В сальных взглядах мужчин. В похабных фразах. В танцевальных би-тах House музыки, звучащей из всех настенных колонок просторного космического зала. И в задымлённом сигаретами и травкой воздухе, который я непрерывно вдыхаю, неконтролируемо увеличивая адское напряжение в паху и всё обильней наполняя себя всей этой грязью, что на протяжении долгого времени окружала самого дорогого и любимого мне человека.

«Атриум» – мир плотских грехов и эротических сновидений!

Как оказалось, именно здесь добровольно каждую ночь находилась, по моему ошибочному мнению, самая чистая, невинная и светлая девушка из всех мне известных, решившая нагло скрыть от меня всю правду о себе.

Она выбрала вариант изнурять себя ночной работой, убажывая и выплясывая голой перед толпой мужиков, вместо того, чтобы просто попросить помощи у меня – человека, готового последнее ей отдать, лишь бы помочь справиться со всеми проблемами. Она решила лгать мне на протяжении долгого

времени – о работе, об истинных чувствах ко мне, о каком-то несуществующем парне и непонятной «дружбе» с Марком... Она решила солгать мне, даже когда я заверил, что ей нечего бояться, и я ни по какому поводу не стану её осуждать, а после спросил: «Есть ли ещё что-то, о чём мне стоит знать, Ники?». И она решила солгать... эм... в миллионный раз? Да, скорее всего, так... Когда, прощаясь, позволила мне поверить, что совсем немного – и мы с ней встретимся вновь. В Нью-Йорке. В нашей первой, небольшой, но уютной квартире, в который мы зажили бы новой жизнью и начали бы вместе двигаться к своим мечтам.

Вместе...

Это слово будто едкой кислотой прожигает всю грудную клетку, заставляя обливаться ядом орган, пульсирующий отголосками моих идиотских планов и мечтаний на нашу дальнейшую, совместную жизнь. Мне отчаянно хочется вырвать этот изнывающий болью комок к чертям собачьим, чтобы никогда ничего больше не чувствовать.

Стать бессердечным – вот оно – моё единственное желание с той самой минуты, как я получил огромное количество мерзкой информации на мою маленькую девочку. Хотя... Какая уж она моя? О чём это я? Конечно, не моя, и никогда ею не собиралась быть, ведь помимо выбора прекрасной работки в самом развратном клубе города, она сознательно выбрала лёгкий вариант выбраться из нищеты и спасти свою конченную мать алкоголичку.

«...Теперь ты знаешь всю правду обо мне, Остин. Я совсем не такая, какой ты меня всегда видел. И, думаю, после рассказа о моих настоящих рабочих обязанностях в клубе ты поймёшь, что с моей стороны было бы глупо отказываться от столь выгодного предложения враз изменить нашу с мамой жизнь, особенно учитывая, что мой начальник – молодой и очень привлекательный мужчина. Так что, прошу, не жди меня! Я не приеду. Живи своей жизнью, концентрируйся на работе, переключи внимание на другую девушку, нуждающуюся в твоей заботе, а обо мне не думай. Переживать за меня больше не надо. На целый год у меня есть тот, кто будет заботиться обо мне и превратит мою жизнь в сказку, а после... после я буду богата и смогу сама позаботиться о себе и маме...»

Десять миллионов, гарантированное лечение матери в лучшей наркологической клинике Нью-Йорка и множество других привилегий во время работы – это, безусловно, приличный гонорар за предоставления услуг, что принесут удовольствие обеим сторонам контракта. И, несомненно, это является веской причиной – променять какие-то там чувства к другу детства, с которым достигнуть желаемого было бы в разы тяжелее и дольше. Не так ли?

Вероятнее всего, вы скажете: «Так», и я бы с вами безоговорочно согласился, если бы всё моё нутро не кричало бы так истошно об обратном.

Пусть я раз десять просмотрел присланное Ники видео-

признание и записи с камер с её смен в клубе, подтверждающие истинный род её трудовых обязанностей, а после до дыр прочёл все условия рабочего секс-контракта, на котором стояла её подпись, я всё равно ни за что не поверю, что Николина опустила до продажи своего тела, выбрав наипростейший способ начать новую, беззаботную жизнь.

Называйте меня хоть трижды наивным, по уши влюблённым глупцом, всем сердцем желающим оправдать поступки любимой девушки, но я ни за что не поверю в это после нашей безумной ночи, во время которой соединились воедино не только наши тела, но и шквал взаимных чувств переплетался в бурном вихре, сметающем всё вокруг нас.

Я считал все эмоции Ники по отношению ко мне и до сих пор ощущаю внутри себя всю колоссальную силу любви и неизмеримой печали, что поглощала её в момент нашего прощания. Её необъяснимо сильная грусть морально убивала меня, призывала остаться и никуда не уезжать. Но я не сделал этого! Не сделал, хотя же чувствовал, что с ней что-то не так. Я же понимал, что с Ники происходит нечто странное и подозрительное. Она смотрела на меня с такой тоской, что я едва держался на ногах, чтобы не сложиться пополам от боли.

Сейчас, непрерывно прокручивая наше прощание в уме, я чётко понимаю, что её синие глаза навечно отпечатавали мой образ на память, руки обнимали так, будто мечтали пропустить меня сквозь своё тело, а губы... Они заверяли, что

с ней всё в порядке, на деле же целовали с таким отчаяньем и страстью, словно пытались зацеловать меня на всю жизнь вперёд.

Николина прощалась со мной.

Не на несколько недель, а навсегда. А я – придурок – в очередной раз не придал должного значения её чрезмерной тоске, которую она с поразительным успехом смешивала с огромной палитрой других сильных эмоций, что мастерски отдаляли меня от желания докопаться до правды. Но я до неё докопаюсь... Умру, но докопаюсь. Иначе и быть не может!

Все доказательства налицо, да и без них я сам вполне могу поверить, что Ники в целях выживания могла решиться на работу в месте сосредоточения эротических, плотских утех и не сказать мне об этом, прекрасно зная, что, даже будучи «просто братом», я, скорее, убью её, чем позволю ей зарабатывать деньги таким отвратительным способом. Но в то, что она *добровольно* могла согласиться ради денег отдаваться мужчине, которого не любит, я никогда не поверю. Даже ради миллионов и здоровья матери она ни за что не сделала бы подобное – за первым она никогда не гналась, а второе и я бы мог совсем скоро организовать, приедь они с матерью в Нью-Йорк – и Ники об этом знала.

В её решении стать шлюхой для некого богатого бизнесмена должно быть скрыто нечто иное. Принуждение. Шантаж. Угроза жизни. Что угодно, но только не согласие по собственному желанию. Не верю! И не поверю в это до тех пор,

пока она лично мне в глаза всё не скажет, а я в её чувствах не прочту, что каждое её слово – правда.

Но, чтобы сделать это, мне нужно сначала её найти!

По приезде в Нью-Йорк у меня не было ни одной свободной минуты, поэтому я только на следующее утро заметил, что Ники мне так и не ответила на сообщение и ни разу не позвонила. Все мои неоднократные попытки дозвониться до неё заканчивались автоматическим оповещением о том, что абонент недоступен. Отследить местонахождение по телефону мне тоже не удалось – Ники не просто отключила его, а будто уничтожила с концами.

Двое последующих суток я места себе не находил, постоянно переживая и думая, куда она пропала, и при этом с утра до вечера старался не терять концентрацию внимания в учебном процессе на предприятии «Heart Corp», где меня постепенно вводили в курс дела моей работы.

До проверки своей электронной почты я добрался лишь на третий день после получения файлов о Ники, и как только я неоднократно изучил ошеломляющий и разрывающий сердце емейл, сразу же бросил все дела в Нью-Йорке и рванул обратно в Рокфорд, всё ещё надеясь успеть обнаружить её дома.

Но, естественно, добравшись до Энглвуда, Ники с матерью там уже не встретил, зато в их разгромленной квартире наткнулся на ворчливого Баррета, поведавшего мне о случившемся инциденте с Филиппом и о том, что Юна вместе

с ним находится в Северной Рокфордской больнице, куда я мгновенно и полетел.

Правда, конструктивного диалога с Юной, сидящей у койки покалеченного муженька в своём обычном полупьяном состоянии, не получилось. Она рассказала только, что Николина вернулась домой поздно вечером и без причины напала на отчима, чуть ли не убив его, а после сбежала, сообщив, что больше никогда не вернётся.

Конечно же, все её гневные слова в адрес Ники я автоматом разделил на два, а о существовании веского повода для нападения на Филиппа даже сомневаться не стал и сразу перевёл тему разговора в интересующее меня русло.

И представьте моё замешательство, когда в ответ на мои вопросы о богатом, молодом и привлекательном мужчине, годовом контракте и наркологической лечебнице Юна отреагировала так, будто слышит об этом впервые. Она лишь упомянула некую Мередит, что почти сутки без разрешения творила с ней какой-то беспредел, и потеряла ко мне всякий интерес, когда заметила, что Филипп начал приходить в себя, издавая хриплые, болезненные стоны.

Честно, я не злой человек, но, глядя на эту конченную тварь, долгие годы отравляющую жизнь Ники, я не испытывал ни капли сочувствия, а только упоение. Тяжелое сотрясение мозга – меньшее, чего заслуживает Фил. И если я узнаю, что по его вине с головы Ники хоть один волосок упал, без промедлений вернусь и сам лично доведу дело до печально-

го финала.

После того как от Юны мне ничего узнать не удалось, я отправился в детдом, где Ники проводила уроки танцев, чтобы выудить у работниц адрес или хотя бы номер телефона Эмили Харрисон. Первое мне наотрез отказались сообщать, зато второе с помощью настойчивых уговоров я всё-таки вытряс, да только всё без толку – Эми на всё лето улетела в Париж. Встретиться для расспросов с ней не получится, а наш короткий телефонный разговор она в резкой форме обрубил, стоило мне только заикнуться о Николине. Даже слушать меня не стала. Рывкнула, что они больше не подруги, и бросила трубку.

Вот такие вот дела – отстойные. Но мне не нужно было долго гадать, чтобы найти причину негодования Эмили. Всё и так очевидно.

Мой «друг» – кобелина Марк Эндрюз, до которого я также раз сто пытался дозвониться, ведь по словам Ники он какого-то чёрта обо всём знал. Он знал, а я – нет! И ни хрена мне не сказал! Шикарные у меня друзья, однако! Мне нечего сказать. Стоит только сделать определённые выводы и пытаться разобраться во всей лжи, в которой они меня совместными силами долгое время топили.

Но все вопросы с Марком я также решу позже. На данный момент в приоритете стоит задача выяснить – известно ли этому предателю имя её *начальника*, что мгновенно облегчило бы мне поиски Николины.

Однако сегодня явно не мой день, потому что телефон Марка вечно находился вне зоны доступа, а сам он – неизвестно где, что не оставило мне других вариантов, как собрать весь свой гнев, боль, отвращение и ревность в кулак и отправиться в место, где мне предстояло вживую лицезреть и впитывать в себя всю атмосферу разврата, тайно являющуюся повседневной средой обитания Ники.

И вот я здесь – в самом порочном клубе Рокфорда.

Сжав челюсть до боли, неторопливо осматриваюсь по сторонам и борюсь с бессильной злостью, помноженной на неподвластное мне возбуждение. Оно нагревает и скручивает тело до ломоты в костях, до ощутимых спазмов в мышцах. И это, к слову, помимо элементарной нехватки времени является ещё одной основательной причиной, почему я всегда избегал посещения стриптиз-клубов.

Попробуйте расслабиться и насладиться выступлениями сексуальных танцовщиц, пока при просмотре ваш член с яйцами разрывает не только от своего собственного накала, но и от вождения многочисленной публики в клубе. Уж поверьте: это мало приятное состояние, а точнее – исключительно болезненное.

– Не меня случайно так упорно выискиваешь, красавчик? – тягучий женский голос приятно щекочет мой слух, лёгкий цветочный аромат – обоняние, а представшая передо мной эффектная брюнетка с минимальным количеством ткани на её сногшибательном теле срабатывает на мне, точ-

но сочный кусок мяса, которым дразняще хлещут по морде изголодавшегося льва.

Скользу изучающим взглядом снизу-вверх: длиннющие стройные ноги, обтянутые чулками в пикантную сетку; едва заметные в красноватом свете клуба стринги полностью открывают аппетитные бёдра, что так и манят мощно припечатать к ним ладони; плоский живот, усыпанный мелкими блестками, такое чувство сложенными в слова «слизни каждую из нас, и тогда получишь свой грандиозный приз», который собственно находится чуть выше – третьего, а то и четвертого размера. Он идеально уместается в черном кожаном бра с какими-то пайетками, стразами или шипами... не разобрать... с ерундой, в общем, какой-то, которую хочется поскорее сорвать с этих двух пышных прелестей и упасть в них лицом, точно в самые мягкие, удобные подушки на свете.

– Впервые у нас, сладкий? – томным шёпотом спрашивает девушка.

Она откровенно наслаждается моей реакцией на её внешний вид, даже не догадываясь, что моё ненормальное перевозбуждение, граничащее с ломкой сунуть *уй в первую попавшуюся дырку, связано далеко не с её сексапильным образом.

– Так заметно? – глухим голосом выдавливаю я, фактически заставляя себя перевести взгляд с внушительной груди к её лицу, покрытому броским макияжем.

– Вовсе нет. Просто я непременно запомнила бы тебя, если бы хоть раз видела здесь раньше. Такой хорошенький, прям, не могу. Чего стоят одни лишь твои зелёные глаза... Нефрит – мой любимый камень, между прочим, – мурчит соблазнительница, растягивая алые губы в мягкой улыбке.

И как же она умудрилась цвет моих глаз в таком освещении рассмотреть? Суперзрение или же просто наугад ляпнула? Да, впрочем, не важно. Скажу только, что слова с улыбкой, может, и шаблонные, но сейчас вполне себе искренние. Так как мы находимся немного поодаль от всей остальной публики зала, помимо отравляющей меня похоти я безошибочно улавливаю исходящую от девушки симпатию ко мне.

И не стану отрицать: она поразительно красива и в моей заведённой кондиции непроизвольно вызывает ответную, бурную реакцию тела. Однако в целом для меня она – размытое, ничего незначащее пятно. Не за удовольствием я сюда пришёл. Совсем не за удовольствием. Но красotka почему-то решает иначе, воспринимая моё затянувшееся молчание, как зелёный свет к дальнейшим действиям.

Она делает шаг вперёд, и её руки уверенно опускаются на мои плечи, грудь практически соприкасается с моей. Нежные подушечки пальцев начинают умело массировать мне шею, разминают трапецию, дельты, сползают к грудной клетке и ниже к напряжённым мышцам пресса, ни хрена не расслабляя, а только доводя своими искусными манипуляциями мой член до состояния стали, а меня – до самого настоящего

бешенства.

Пока эта жгучая красotka ощупывает меня, щедро усыпая лестными базовыми фразами, заученными для каждого вошедшего сюда мужика, на её месте я представляю Ники. А точнее, как она каждую грёбаную ночь занималась тем же. лапала десятки клиентов и позволяла им делать то же, оголялась, соблазняла, часами общалась с незнакомцами, жаждущими её оттрахать, тёрлась своим прекрасным телом о них и доставляла им удовольствие.

Мне не стоит сомневаться, что Николине каким-то немислимым образом удалось избежать секса с клиентами, ведь я был у неё первым. Но ни для кого не секрет, что секс – далеко не единственный способ, как можно успешно ублажить мужчину. И вспоминая горячие кадры о том, какой раскрепощённой и, чтоб её, умелой она была во время нашей первой близости, а в частности – в процессе минета, я без труда могу провести параллели с её работой и сделать соответствующие выводы.

И, сука, это гадкое, ежесекундно бьющее в висках болью осознание не просто рвёт на куски мою душу, а будто все внутренние органы проворачивает сквозь щеподробилку, после поджаривая эти ошмётки на большом огне. И потому, стоит мне только ощутить, как женская ладонь накрывает мой напряжённый, твёрдый орган и услышать восхищённое: «Вау! Его бы я точно никогда не забыла!», как красноватое освещение помещения в моих глазах затмевает ещё более

яркой, багровой вспышкой злости, что своей мощью также перебивает и противоестественную похоть.

Один хлопок наращённых ресниц стриптизёрши – и я крепко сжимаю её запястье, отрывая руку от члена. Второй – схватив её за шею, рывком прибиваю девушку к ближайшей стене.

Думаете, она испугалась моего резкого перепада настроения? Пф... Если бы! Наоборот – восторг, резко взметнувшееся вожделение плюс несколько добавочных очков к уже имеющемуся влечению ко мне – это всё, что я считываю в этой профессиональной шл... работнице сего заведения.

– Так и знала, что ты не такой уж хороший мальчик, каким показался мне издавна, – хрипло произносит брюнетка и проводит кончиком языка по нижней губе.

Она с трудом набирает в лёгкие воздух, однако даже не пытается освободить своё горло от моей железной хватки. Глаза блестят, зрачки расширены, а руки смело ныряют под ткань моей рубашки.

Значит, и эта тоже любит пожестче? Прямо, как Ники? Та от грубого, по животному дикого секса прямо-таки в облаках всю ночь летала. Они тут все, что ли, такие – с мазохистскими наклонностями, или, привыкнув к несдержанной силе клиентов, в итоге просто забыли, какое оно – нормальное человеческое отношение мужчины к женщине?

Не имею понятия, а гадать нет ни времени, ни искреннего желания.

– Как тебя зовут? – оставив между нашими лицами не больше сантиметра, глухо цежу я.

– Изабелла... но ты можешь называть меня, как тебе угодно, – заискивающе щебечет брюнетка, всё ещё полагая, что сможет сегодня на мне заработать.

Глупая. Или же явно новенькая здесь. Обольстительница со стажем по одному только отсутствию элегантного костюма и дорогих аксессуаров смогла бы определить, что я не лучший источник жирного навара.

– Тогда ответь мне на один вопрос, Изабелла. – Передвигаю ладонь с её шеи на скулы, продолжая сдавливать их с той же грубой силой. – Разве я разрешал тебе прикасаться ко мне? Вроде бы нет. Так какого чёрта ты распускаешь свои руки? – с нарочитой надменностью бросаю я и сверлю девчонку в упор свирепым взглядом, желая дать ей прочувствовать сполна всю степень своего неуравновешенного и крайне неблагоприятного для общения с ней настроения.

И вот же здорово, что она оказывается весьма доходчивой: через пару секунд благоразумно вытаскивает руки из-под моей рубашки и виновато поджимает губки, глядя на меня, точно провинившийся щенок.

Вот же актриса! Внутри злится, как мегера, определённо мечтая обложить заносчивого клиента матом, а на лице – полная противоположность.

И чему ещё помимо актёрского мастерства, стриптиза и навыка профессионально ездить мужикам по ушам их обу-

чают в «Атриуме»? Теперь ничуть не удивляюсь столь отточенному умению Николины, нисколько не стесняясь, врать, глядя мне прямо в глаза. Хотя, нужно признать, у Ники уровень даже повыше будет, чем у этой красотки – она не только снаружи отменно держится, но и внутри искусно маскирует присущее людям во время лжи волнение. Талантище, бля*ь!

– Какие-то проблемы? – наш затянувшийся с брюнеткой поединок взглядов внезапно разрывает звучный мужской голос за моей спиной.

Он вызывает у моей соблазнительницы ощутимый скачок страха. Когда же я наконец расслабляю руку на девичьем лице и без промедлений, твёрдо отвечаю: «Я хочу поговорить с менеджером», то её и вовсе сковывает панический ужас.

Настолько сильно боится потерять это замечательное место работы? Уму непостижимо! В какой же глубинной жопе находится жизнь этой девочки, раз стоит только мужчине подойти к нам ближе, поравнявшись со мной, и её усилившийся страх быть уволенной мигом окатывает и меня с головы до ног ледяной волной?

– Тони Мэрроу, – представляется мужчина строгим голосом. – Я весь во внимании. – Стреляет подозрительным взглядом то в меня, то в оцепенелую девчонку.

И вот уж совсем не знаю, кто из нас двоих сейчас бесит его больше, но настроение управляющего можно смело назвать не склонным к доброжелательному общению.

Да только вот в чём загвоздка: мне на это абсолютно по-

хер. Миротлюбиво или же не очень, я задам ему интересные меня вопросы, и Тони ответит на них – хочет того или нет.

Глава 2

Остин

– Добрый вечер! Остин Рид, рад с вами познакомиться, – для начала всё-таки решаю выбрать миролюбивый способ и протягиваю руку мужчине.

В эмоциональном плане раздражение Мэрроу мигом сменяется лёгким волнением и некоторым интересом к моей персоне. Внешне же он выглядит немного хмурым и уставшим.

– Добрый, – приветственно отвечает на моё рукопожатие. – Так в чём проблема? Наша Изабелла чем-то вам не угодила?

Бедная Изабелла пытается невинно улыбаться, но уверяю – пульс девчонки приближается к максимальной отметке, пока она выжидающе смотрит на меня.

«Выдохни, сладкая, из-за меня ты точно свою драгоценную работу не потеряешь!» – невербально доношу до неё успокаивающую мысль и перевожу внимание на мужчину.

– Что вы, конечно, нет! Она потрясающая, как, впрочем, и все остальные девушки, к которым я успел здесь присмотреться, – непринуждённо произношу я, ощущая, как натянутая, точно пружина, работница потихоньку расслабляется.

– Тогда о чём вы хотели со мной поговорить?

– Не против, если мы перейдём на «ты»? Терпеть не могу все эти формальности, – предлагаю я, желая снизить градус сосредоточившегося между нами напряжения.

– Не против.

– Отлично! Мы можем где-то поговорить наедине?

– Если это нечто серьёзное, то ты выбрал не лучшее время для подобного разговора. Через пятнадцать минут начнётся шоу.

– Мне хватит и пяти, – настаиваю я, всем своим решительным видом показывая, что не уйду, пока не поговорю с ним.

Прищурившись, Тони несколько секунд задумывается о чём-то, неумолимо увеличивая волнительный интерес внутри себя, а когда в итоге поддаётся ему, кивком головы просит меня следовать за ним.

Мы направляемся в сторону отделённой от главного помещения красноватым стеклом зоны, оказавшись в которой сверхмерная доза похоти мгновенно прекращает изнурять меня.

– Я слушаю, – скупно бросает Мэрроу, стоит нам усесться в мягкие кресла у овального стола.

Он закуривает, я следую его примеру.

– Я хочу поговорить о Николине Джеймс, – не теряя времени, сразу перехожу к теме.

– И кто это?

Его поддельное недоумение взрывает во мне пороховой

заряд злости, но я не подаю виду.

– Одна из танцовщиц, которая до недавних пор работала здесь продолжительное время. Разве менеджер клуба не должен знать всех по именам?

– Менеджер, может, и должен, а вот владельцу клуба совершенно параллельно на настоящие имена стриптизёрш, – он самодовольно усмехается, выпуская густой клуб дыма.

– Блондинка, синие глаза, средний рост, родинка на подбородке... не спит с клиентами, – сухо перечисляю примечательные детали, которые Мэрроу и так известны.

– Аннабель, – протягивает он, прикидываясь, будто лишь сейчас понимает, о ком идёт речь.

Я жадно затягиваюсь никотином, чтобы сдержаться и не врезать ему по роже. Как же я ненавижу, когда из меня делают дебила!

– И о чём же ты хочешь поговорить? Сам же сказал – она у нас больше не работает, так что, увы, никакие услуги предоставить девчонка тебе не сможет.

– Я не за услугами сюда пришёл, а за помощью, – мой голос окончательно садится от раздражения. – Она пропала.

– А я-то чем помочь могу? Полицейский участок немного по другому адресу находится.

– Мне нужно знать, с кем из клиентов она общалась в последнее время.

– А кем ты ей являешься, Остин? Повтори-ка, а то я, наверное, не расслышал.

– Брат, – уверенно вру я.

У родственника больше шансов выудить информацию, чем у влюблённого, обезумевшего ревностью парня.

– Брат, значит... – недоверчиво хмыкает. – Что ж, брат, и почему ты думаешь, что я так просто выдам тебе личные данные хоть кого-то из клиентов? Ты наверняка и сам успел заметить, что большая часть контингента у нас здесь не из простых. Лично мне ни с кем из наших постояльцев проблемы не нужны, уверен, как и тебе тоже.

– Ты прав: проблемы ни к чему, но я надеюсь на твоё понимание. Имена мне нужны чисто в целях найти её. Я не собираюсь кричать о них направо и налево.

– Я-то всё понимаю, но с чего мне тебе верить?

– А почему нет? Думаешь, я без веской на то причины пришёл бы сюда выпрашивать у тебя имена ничего не значащих для меня людей? – парирую я, сверля мужчину неуступным взглядом.

Сделав пару глубоких затяжек, он напрягает веки в пыльном прищуре.

– А с чего ты вообще решил, что она пропала?

– Четвёртый день её местонахождение неизвестно, а телефон отключен.

– Всего-то, – фыркает Тони.

– Прежде такого никогда не было.

– Всё всегда бывает в первый раз. К тому же почему ты сразу думаешь, что в этом замешан кто-то из наших клиен-

тов?

– У меня есть веский повод так думать.

– Очень интересно послушать – какой. – Мэрроу пристально смотрит на меня сквозь табачное облако.

Я глухо выдыхаю, пытаюсь контролировать гнев, вызванный воспоминаниями о видеопризнании Ники. Не хотел я говорить об этом, но, по всей видимости, придётся.

– Перед тем как исчезнуть, она упомянула некоего состоятельного мужчину, на которого теперь будет... работать. Не имею представления, где бы ещё она могла с ним познакомиться, если не здесь.

– Так, значит, она тебя предупредила? – удивляется он. – В таком случае вообще не понимаю твоей паники. У нас тут каждая вторая девка рано или поздно находит себе богатого папика или же... щедрого босса, с которым улепётывает за роскошной жизнью. И Аннабель не исключение.

– Это неправда! – не сдержавшись, я повышаю голос, сверля мужика острым взглядом.

Он же только криво ухмыляется, глядя на меня в ответ, как на наивного ребёнка.

– Ещё как правда, парень! Когда девушки долгое время находятся в месте, где нет никаких границ, рамок и моральных устоев, а только разврат и удовольствие, за которое можно получить неплохие деньги, хочешь не хочешь, они постепенно привыкают к этому, втягиваются и со временем ломают все свои железные принципы. Аннабель отказывалась

трахаться с клиентами по расценкам клуба, но, вероятно, нашёлся тот, кто предложил ей гораздо большую сумму, и она не смогла отказаться. Как говорится: у всех есть своя цена, и у твоей сестрички – тоже. Просто она оказалась гораздо выше, чем Анна хоть когда-либо могла заработать здесь. Вот и всё. Понимаю, этот факт принять крайне непросто, но вот тебе мой совет, Остин Рид, – поскорее сделай это, отметай её поиски и сваливай отсюда, пока ты своими ненужными вопросами не нажил себе недоброжелателей! – едко чеканит он, отчётливо проявляя на лице всё нежелание продолжать разговор.

Но, сука, столь знакомое мне волнение в нём по-прежнему никуда не исчезает. Тони точно что-то известно, но он врёт, бля*ь. Он тоже врёт! У меня, что, на лбу написано: «Умоляю, соврите мне, иначе сдохну»?

Мэрроу впечатывает окурок в пепельницу и порывается встать, однако я делаю это первым и силой давлю ему на плечо, заставляя сидеть на месте.

– Ты совсем берега попутал?! – вспыхивает он, а я вдавливаю его в кресло лишь сильнее.

Его удивление со злостью я почти не ощущаю из-за собственной ярости.

– Я пришёл к тебе за именами, Тони, и не уйду, пока не получу их. Правда, я хотел узнать всё мирным путём, но если тебе такой способ не по вкусу, я могу добиться своего иначе.

– И как же? Бить, что ли, будешь, пацан? Не забыл, где

находишься? Одно моё слово – и охрана живо выбросит тебя на улицу.

– Бить я буду, Мэрроу, в этом можешь не сомневаться, но не по тебе, а по всем компьютерным системам твоего любимого клуба. Ты меня не знаешь, но могу заверить, что для меня ничего не стоит взломать всю базу данных с записями с камер наблюдений, а затем распространить по всему интернету компрометирующие, развратные кадры извращенцев, которые здесь каждую ночь расслабляются.

– А ты борзой, как я погляжу! Запугать меня вздумал? Тогда придумай что-то получше. Мне, как никому другому, известно, что это невозможно, – сурово бросает Тони.

И внутренняя уверенность подтверждает высказанное им мнение.

– Очень даже возможно, Мэрроу. По-твоему, как у меня оказались горячие видео из главного зала с несколькими разными мужчинами, с которыми общалась Николина? Не веришь? Так я могу доказать.

Что я и делаю, заодно пользуясь возможностью проверить – были ли видео изъяты без ведома владельца или нет?

Вытаскиваю из кармана телефон с сохранёнными в галерее файлами и показываю их мужчине. И судя по тому, как стремительно вытягивается его лицо, а мощнейший шок жалит мою кожу колким ознобом, Тони никак не ожидал такого поворота.

Получается, видео он лично сам никому не сливал, а, зна-

чит, их точно прислала мне не Ники. Она в жизни не смогла бы получить доступ к ним, взломав защиту клуба.

– Теперь веришь мне? Я показал тебе всего парочку видео, но на моём компьютере есть гораздо больше, и, если потребуется, я выужу из вашей системы все до единого, выставив их на всеобщее обозрение. Тогда ты точно заработаешь на свой зад немереное количество проблем. Оно тебе надо? – спрашиваю я оторопелого мужчину.

Убираю телефон обратно и отпускаю его плечо.

Искреннее удивление с нарастающим гневом Мэрроу нападает на меня, словно рой moskitov. Предугадывая его последующие попытки пустить в ход ответные угрозы, сдержанно добавляю:

– Если со мной что-то случится, и я не доберусь до дома к завтрашнему вечеру, всё содержимое папки на моём компьютере автоматом отправится в сеть, так что... давай просто вернёмся к моему вопросу и побыстрее разойдёмся каждый в свою сторону.

От злости и осознания безысходности своего положения вся спесь быстро слетает с побагровевшего лица Мэрроу, а венка на вспотевшем лбу начинает вздуваться и пульсировать.

– Мне нечего тебе сказать, – мрачно бросает он, сокрушённо откидываясь в кресле.

– Так уж нечего? – скептически приподнимаю бровь. – Возможно, имён стриптизёрш ты и не помнишь, но я нико-

гда не поверю, что владелец клуба не знаком лично с самыми прибыльными клиентами своего заведения.

– А стоит поверить, потому что ещё три дня назад единственной сферой, которой я здесь преимущественно занимался, была постановка шоу. С клиентами я общался по минимуму. И уж тем более не следил, с кем именно проводят ночи танцовщицы. Всем этим занимался мой брат, – недовольно проговаривает Мэрроу.

К моему удивлению, правду.

– Он сейчас в клубе?

– Нет.

– А когда будет?

Тони безрадостно усмехается, закуривая ещё одну сигарету.

– По предварительным прогнозам лет так через двадцать-тридцать.

Я смеряю его непонимающим взглядом.

– Эрик сейчас под заключением в ожидании суда, поэтому вряд ли в ближайшие недели с ним получится поговорить, да и как ты сам понимаешь, ему явно будет не до твоих вопросов, – монотонно проговаривает Тони, но я остро ощущаю его нешуточную тревогу из-за ситуации с братом.

– Может, кто-то из стриптизёрш ответит мне?

– Нет, – слишком резко отвечает Мэрроу, с головой выдавая своё волнение.

И он сам это понимает. Поджимает губы, устало выдыха-

ет, сдавливая пальцами переносицу.

– Слушай, парень, ты действительно явился сюда в самое неподходящее время. За последние двое суток нас и так тут всех непрерывно изнуряла расспросами полиция – как меня, так и девочек. Они устали, напуганы. Им сейчас ещё в шоу выступать, а после до утра в зале работать. Да и заверяю тебя: они ничего тебе не скажут. Если ты правда считаешь, что Анна связалась с кем-то из наших VIP-клиентов, здесь никто помочь тебе найти её не сможет. Ни одна стриптизёрша не захочет зарабатывать себе врага в лице влиятельного мужчины, и тебе самому бы следовало хорошенько подумать о последствиях, которые могут повлечь твои поиски!

В серьёзном тоне мужчины отчётливо сквозит предупреждение, а в беспокойном взгляде загорается просьба прекратить искать... но вовсе не Николину, а того, на кого она теперь работает, что в очередной раз доказывает – Тони известно гораздо больше, чем он мне говорит.

Он стопроцентно знает, с кем сейчас находится моя девочка! Теперь у меня в этом нет никаких сомнений, но Тони всё равно молчит, даже несмотря на мои угрозы, которые однозначно могли бы навсегда испортить репутацию клуба и связать Мэрроу в череду неприятностей с респектабельными людьми Рокфорда.

Максимально быстро проанализировав его поведение вместе с внутренним диапазоном эмоций, я могу смело выдвинуть аж целых три логических предположения, почему

Тони по-прежнему решает держать язык за зубами: первое – он находится в доверительных, дружеских отношениях с этим мужчиной; второе – опасается возможных проблем с ним в разы больше скандалов с негодующими клиентами клуба; третье – оба варианта вместе.

– Поверь мне, Остин, если бы я владел необходимой тебе информацией, я бы непременно сказал. У меня и так сейчас проблем выше крыши! Вчера мне едва удалось избежать временного закрытия клуба из-за криминальных дел брата. Добавлять ко всему существующему хаосу ещё и утечку компрометирующих видеозаписей наших постояльцев – меньшее, чего мне сейчас хотелось бы, – поспешно заверяет он, преисполняясь отчаянной надеждой в то, что я отступлю.

Но я не отступлю. Никогда. Не раньше, чем найду Николину и не поговорю с ней обо всём. Однако здесь мне точно делать больше нечего. Я остро чувствую страх и тревожное беспокойство мужика, дающее понять, что у него в самом деле есть веские причины не раскрывать мне правду. А, значит, нет никакого смысла и дальше продолжать выпытывать у него ответы. Пустая трата времени, которого у меня, как всегда, в запасе нет. Да и ни в чём не повинного человека, пусть даже не самого приятного, всё-таки не хочется подставлять, обрушая на него негодование этого чёртового Мистера Неизвестность.

– Ладно, – выдыхаю я. – Мне можешь ничего не говорить. Встаю с кресла и направляюсь к стеклянной двери, всем

нутром осязая окатившее Мэрроу облегчение. Но оно вмиг притупляется, когда перед уходом я оборачиваюсь к нему и бросаю твёрдым, непоколебимым голосом:

– Но в следующем разговоре с *ним* будь добр передать, что рано или поздно я найду его и, чего бы мне это ни стоило, освобожу Николину от выполнения обязанностей их контракта.

Глава 3

Остин

Стоит мне выбраться на улицу из шумного клуба, как буквально через пять минут экран смартфона оживает именем моего наставника в «Heart Corp». Он отчитывает меня за внезапный отгул и сообщает, что им стала известна точная дата возвращения президента компании в Нью-Йорк, поэтому к завтрашнему утру мне в строгом порядке необходимо явиться на работу и продолжить вводный курс в проект, чтобы за оставшееся время до его приезда успеть вникнуть в суть всех рабочих деталей. И никакие оправдания в виде неожиданно заболевших родственников больше не проканают.

Закончив с ним разговор, я в сто пятисотый раз набираю номер Марка. Теперь он – моя единственная надежда найти Николину, но меня вновь на том конце провода встречает облом, как, впрочем, и в остальном тоже.

Бессмысленный разговор с Мэрроу, полное отсутствие вариантов, где именно мне стоит начинать копать, и крайняя необходимость вернуться в Нью-Йорк, временно отодвинув поиски Ники, – всё это один сплошной облом, что огорчает до глубины души, а свежие воспоминания из развратно-

го «Атриума» не только мелькают перед глазами, но и словно зудят на поверхности кожи, заставляя чувствовать меня грязным, липким, физически заведённым и поникшим до нулевой отметки.

И, конечно же, когда мне и так хуже некуда, грозовые, серые тучи, неумолимо затягивающие рокфордское небо, будто бы нарочно добавляют тьмы моему отвратительному состоянию. Однако непогода всё равно не мешает мне перед отправлением в долгий путь прогуляться, чтобы хоть немного прийти в себя и разложить по полочкам имеющуюся в уме информацию.

Варясь в своих мыслях и бесцельно бредя по городу, я неосознанно добираюсь до набережной. До той самой смотровой площадки, где мы с Ники неоднократно проводили вечера, наблюдая за закатом. Именно здесь совсем недавно я стал случайным свидетелем, как моя малышка, опустив руки на перегородку, склонила голову вниз и в одиночку сильно грустила... или переживала?.. или же пыталась найти способ найти выход? Не знаю.

Но сейчас, в точности копируя её позу, я вслушиваюсь в равномерное журчание Рокривер и стараюсь понять – почему же Ники мне ничего не сказала? Почему не попросила помощи? Почему не сообщила, что ей угрожает опасность? Боялась и меня поставить под удар? Возможно... А точнее – это единственное разумное объяснение, что приходит мне в голову.

Тяжело вздохнув, устремляю взгляд к тому месту, где мы стояли с Ники в прошлый раз, и тщательно перематываю кадры нашей встречи...

— *Кто это тебя так сильно хочет?* — поинтересовался я, услышав длинную череду звуков входящих сообщений.

— *Не знаю... Скорее всего Эмилия,* — выдвинула предположение она, но её мгновенное беспокойство намекало, что смс далеко не от подруги.

Когда же Ники, прочитав их, начала суетливо озираться по сторонам, будто высматривая кого-то в каждом ближайшем кусте, я окончательно убедился, что Эмилией там даже не пахнет.

— *Что такое, Ники? Кого ты так выискиваешь?* — не на шутку озадачился я.

Прикоснулся к её щеке, желая её успокоить, но Николина резко оторвала мою руку от себя после прочтения ещё одного присланного ей сообщения.

Это точно был он... Это он ей тогда писал и запугивал, так же как и в день моего отъезда в Нью-Йорк на собеседование.

В памяти смутно всплывает мрачный образ солидного мужчины, которой в тот день сильно напугал её. И теперь я точно знаю, что причиной её боязни, нездорового румянца на лице и лихорадочной дрожи был именно он, а не скоростной бег от дождя, как заверила меня в тот день Ники. Это просто была ещё одна долбаная ложь, слетевшая с её языка.

Напрягаю память, пытаюсь более чётко вспомнить его

внешность, но ничего не получается. Я видел мужчину всего пару секунд и сквозь расплывчатое из-за капель дождя стекло автомобиля. К тому же я был настолько ошарашен и физически прибит мощью его эмоций, что мне было совсем не до разглядывания его лица. Но, чёрт возьми, ту безумную, неадекватную для одного человека похоть я никогда не забуду. Это было ненормально, сверхъестественно, страшно даже для меня. И всю эту бурю он испытывал к ней, к моей маленькой девочке, которая тряслась после встречи с ним, как при сорокоградусной температуре.

Неукротимая ярость зарождается где-то под рёбрами, скручиваясь в тугой клубок из колючей проволоки, что царапает меня изнутри с каждым вдохом, воспламеняясь на выдохе. Меня начинает трясти, фактически колотить от мысли, что этот мужик как-то вынудил её согласиться на чёртов контракт и, возможно, прямо в эту секунду причиняет ей вред, мучает, бьёт или чего ещё хуже... А может...

Дьявол!

Представив, как Ники стонет под ним в наслаждении, не контролируя силы, бью кулаком по бетонной ограде. Разбиваю костяшки до мяса. Кровь стремительно стекает по руке. Но я не чувствую боли. Она смехотворна на фоне той, что горит в грудной клетке, сдавливая лёгкие, лишая способности дышать, здраво мыслить. А трезвый разум мне сейчас нужен, как никогда прежде, поэтому мне ни в коем случае нельзя думать о подобном.

Я искренне надеюсь, что он не причиняет ей боли, но и представлять, что он доставляет ей удовольствие для меня невыносимо. Я должен отгонять эти мысли или раз за разом повторять и верить – что бы Николине ни приходилось делать с этим мужчиной, она делает это против воли. Я верю моей малышке. Несмотря на всю её ложь, я верю ей. И после всего, что между нами было, я знаю наверняка – будь у неё хоть один малейший шанс избежать этой работы, она воспользовалась бы им. По-другому и быть не может. И ничто не заставит меня думать иначе: ни её видео, ни подпись на контракте, ни убеждения Мэрроу в том, что Ники просто помчалась за богатой жизнью.

Сильные порывы ветра бьют в лицо, заставляют глаза слезиться, а раскатистый удар грома прямо над моей головой, словно по команде, обрушает шквал проливного ливня.

Слышу треск падающих капель по речной глади, визги торопящихся покинуть площадку людей. Набережная стремительно пустеет, а я, наоборот, подставляю лицо сильному напору шторма и стою, не двигаюсь, пытаюсь успокоиться. Полной грудью вдыхаю любимый запах дождя и вспоминаю то, что некоторое время не мог вспомнить.

– Думаю, пару часов сна с тобой, и я буду вонять так же, – прошептала она и прижалась к моему телу так, словно я пахну не алкоголем, а самым вкусным в мире парфюмом.

– Не будешь... ты всегда пахнешь дождем.

– Дождишком?

– Мхм...

– И как же он пахнет?

– Как ты.

– И как же это, гений?

– Ой... Гений точно не знает... Да и никто точно не знает... Но всем нравится... А я его просто обожаю, – пробормотал я, растворяясь в её крепких объятиях, и не знаю как, но даже с закрытыми глазами почувствовал сияющую на её губах улыбку.

Она согревала.

Окрыляла.

Наполняла жизнью.

Делала меня самым счастливым на свете.

Счастливее того сонного мгновенья нашей близости я был лишь в темноте хвойного леса, когда она томно прошептала:

– Ты можешь делать со мной всё что хочешь, Остин. Я – твоя. И душой, и телом. Всегда была, есть и буду. Несмотря ни на что. Запомни это!

И я запомнил. И, клянусь, никогда не забуду эти откровенные, полные любви и желания слова, что окончательно убеждает меня сейчас – Николина ни за что не променяла бы нас на деньги. Ни за что! Она на такое не способна! А, значит, этому таинственному мужику, насильно принудившему её к этой работе, несдобровать, когда я наконец его встречу.

А я встречу! Тут без вариантов. И плевать мне, что он –

какая-то там важная, влиятельная шишка. Меня это не остановит и уж точно не напугает. В деньгах и власти, конечно, много силы, но они не гаранты стопроцентной победы во всём и всегда.

Я что-нибудь придумаю. Безвыходных ситуаций не бывает. И в этой я тоже непременно найду выход.

– *Я спасу тебя, мальшика... Я обязательно тебя спасу...* Тебе лишь нужно немного потерпеть, – тихо одними губами шепчу я мрачным небесам и, как глупый мальчишка, надеюсь, что вместе с гулким раскатом грома они донесут до неё моё обещание.

Глава 4

Николина

Две недели спустя

Гром. Дождь. Серость.

Стандартный комплект рокфордской погоды, которая после аномального солнцепёка в мае решила начать первые дни лета со своей обычной атмосферы дождливой осени. Этого следовало ожидать. Надолго солнце в наших краях никогда не задерживалось. Но должна признать: в миллион раз приятней наблюдать за зигзагами молний, сверкающих в чернильной пелене туч, и резво скатывающимися по стеклу каплями, когда ты лежишь в огромной пенистой ванне и прямо в ней же поедаете третий кусок кряду изумительно вкусного карамельного торта.

В моей личной просторной стильной уборной тепло, чисто, обалденно пахнет маракуйей. На фоне тихо играет джазовый соул, ароматические свечи добавляют уюта. Рядом на полочке лежит невероятно интересный роман, от которого я не могла отлипнуть полночи, и планшет с волшебной программой. С её помощью я в любой момент могу сменить дождливую хмурость за окном на яркую, завораживающую картинку из самых потрясающих мест мира.

Да... Вот что теперь занимает мою повседневность в заточении четырёх стен: много вкусной еды, расслабление в ароматной водичке, любимая музыка, книги, созерцание непрекраснейших достопримечательностей, чудес света и природных ландшафтов, а также просмотр популярных сериалов на Netflix. Сплошной пассивный отдых, который был мне крайне необходим, чтобы оправиться после продолжительного недоедания, недосыпа, пребывания в вечно переутомлённом состоянии и огромного количества всевозможных физических повреждений.

Прошло относительно немного времени, но от мешков под моими глазами и след простыл, цвет лица наконец-таки пришёл в норму, здоровый румянец украшает щёки, которые больше не впадают, как у больных анорексией, а тело приобрело более округлые формы и практически полностью избавилось от синяков и ран.

Вот что значит не иметь никаких стрессов, проблем, тревожных мыслей, целыми днями чилить, лёжа на удобной кровати, вкусно, обильно питаться и ни о чём не переживать. А я в самом деле ни о чём не переживаю. В голове такое спокойствие, какого ещё никогда не было, тело полностью удовлетворено, а в душе... там тоже полное затишье, которое я планирую любыми способами сохранять до самого последнего дня пребывания на крючке у Харта.

В общем, неплох мой плен, совсем неплох. Грех жаловаться, не так ли?

Хотя мне и в голову не приходит жаловаться, ведь, несмотря на принудительное пребывание в заточении, я за всю свою жизнь столько не отдыхала, не спала и не посвящала времени себе любимой, сколько сделала это за минувшие восемнадцать дней.

Да, я в самом деле их считаю, прям, как выброшенная из морской стихии на необитаемый остров героиня. Правда, нахожусь я в комфортабельном пентхаусе на небесной высоте, а не в забытом Богом месте, но тем не менее с каждым днём всё больше складывается впечатление, будто так оно и есть.

После бурной, самозабвенной и меняющей мою память ночи с Хартом моими единственными визитёрами были немногословная домработница Сьюзен, трижды в день приносящая мне потрясающе вкусные блюда, и врач, который проверил моё женское здоровье и общее физическое состояние.

Всё! Сам Адам ко мне так ни разу и не пришёл. Ни разу! Почему? Вообще не в теме. Хочу ли я узнать ответ? Да как-то не особо. Мне абсолютно безразличны причины его тотального игнорирования моей персоны. Занят на работе? Трахает других? Всё ещё злится? Или таким образом в очередной раз наказывает меня, заставляя быть в гордом одиночестве не только днями, но и ночами? Без разницы! Просто ровно. И не появись у меня корыстной цели для встречи с ним, только радовалась бы его отсутствию. Но поскольку она-таки появилась, мне необходимо встретиться с Хартом

как можно скорее.

Что за цель, спросите вы?

Банальная до примитивности: доставить ему удовольствие любыми известными мне способами, чтобы после суметь убедить Харта расширить границы моей люксовой «клетки» и, возможно, даже выпустить погулять.

Здесь пусть и имеется достаточное количество способов, как скоротать мои затворнические будни, однако стены этой спальни всё-таки начинают надоедать мне и опускать общий настрой на несколько градусов ниже. А мне совсем не хочется из-за продолжительного безделья в закрытом под замок помещении доводить своё безмятежное состояние до вялой апатии.

Как и любому человеку, мне жизненно необходима обычная смена декораций, общение с другими людьми или хотя бы просто выход на улицу. Я же в этой комнате будто отделена от всего мира: телефон есть, но пароля от wifi нет, на планшете – та же проблема, а из моего единственного источника коммуникации Сьюзен так себе собеседник получается: ответы односложные, вопросов нет, заинтересованности в беседе – тоже.

Да и бог с ним с этим общением и желанием узнать, что там творится в мире. Мне просто-напросто воздуха свежего глотнуть хочется, а эти сверхумные окна, чтоб их, не открываются. Прикиньте? Они имеют дохренища всяких наворотов, но элементарно открыть их, чтобы впустить в комнату

дождливую сырость, нельзя. Удивительно! И смешно. Хотя нет, не смешно. Удушливо. Мне уличный воздух нужен, а Адам во всех смыслах обеспечил мне полную изоляцию от внешней среды.

И, казалось бы, что ты ноешь, Анна, сиди в шикарных апартаментах да настраивай необходимую температуру и влажность с помощью климат-контроля, да только терпеть даже столь незначительные неудобства – это идиотская привычка другой моей стороны, вечно любящей страдать и забивать на свои «хотелки».

Почему я должна мучиться, если я с лёгкостью могу улучшить условия своего пребывания здесь? С какой такой стати мне не получить желаемое? Не вижу совершенно никаких причин, поэтому при первой же возможности мне будет необходимо постараться хорошенько порадовать своего господина, дабы получить его благосклонность и разрешение на выход из дома.

И вот честно: говорю об этом и нисколько не злюсь, не раздражаюсь и не испытываю омерзения. И это абсолютный кайф – воспринимать поклонение Харту как обычную работу, а настойчивое стремление сделать ему приятно – как необходимость в достижении своих целей.

Он хотел покорную, хорошую девочку для траха – он её, несомненно, получит. Никаких пререканий, возражений и попыток вступить в спор больше не будет. Всё это бессмысленно, и другая версия меня это понимает и безоговорочно

принимает, а дикую, буйную Николину со всей сумасшедшей смесью противоречивых чувств к Адаму и долголетней любовью к Остину я оберегаю в непроницаемом бункере. Там она не ощутит на себе ни одного из моих будущих действий и поступков. Я уж позабочусь, чтобы она ничего не почувствовала и ни за что не выбралась раньше времени наружу.

В отличие от неё, в Адаме я вижу не сексуального мужчину, дурманившего своей мистической силой и затрагивающего самые глубинные струны души, а такой же неодушевлённый предмет, какими видела для себя каждого клиента в «Атриуме», и какой, по сути, являюсь я сама, поэтому выполнять все его приказы по высшему разряду, при этом ничего не чувствуя, будет легче лёгкого. Главное – постоянно сохранять защитные стены целыми и невредимыми – и тогда у меня всё получится.

Я выдержу. Я справлюсь. Я освобожусь. И стану счастливой.

Никогда прежде мне не приходилось абстрагироваться от всех душевных терзаний и телесных ощущений дольше рабочей ночи, но я почему-то уверена, что мне не составит особого труда справляться с этой задачей так долго, сколько мне того потребуются, ведь ситуация на сей раз кардинально иная.

Мужики в «Атриуме», лапающие меня без остановки, вызвали только отвращение. Адам же своей попыткой изме-

нить мою память зародил во мне настолько сильный страх, ненависть и желание не допустить сей ужас, что вот уже сколько дней подряд я не чувствую абсолютно никакого напряжения в удерживании своего непонятного «щита». Осталось лишь узнать, как дело пойдёт непосредственно во время общения с самим Хартом. И надеюсь, мне уже совсем скоро удастся это проверить.

Ещё полчаса покиснув в горячей воде, я смываю с себя душистую пену и выбираюсь из ванной. Питаю всё тело маслом, дивно пахнущим экзотическими цветами и покрывающим кожу мерцающими бронзовыми частичками. Лицо оставляю без грамма косметики – в отдохнувшем, здоровом виде оно и так мне кажется вполне прекрасным.

Вхожу в свою личную гардеробную, забитую под завал брендовой одеждой и аксессуарами. Надеваю один из многочисленных пикантных комплектов нижнего белья с не менее соблазнительным шёлковым платьем и до идеальности выпрямляю волнистые, слегка пушистые волосы.

Никогда так не делала, а, наоборот, закручивала их в крупные спирали, но сейчас почему-то моё нутро требует хоть каких-то перемен в образе. Да и другой мне так больше подходит. Выглядит более дерзко, что ли. Мне нравится. Зачёт!

А затем я такая вот вся красивая, благоухающая, соблазнительная и готовая во всеоружии весь день смиренно жду звонка или прихода Адама домой, надеясь, что, может быть,

именно сегодня он решит вспомнить о моём существовании.

Вновь читаю книги, смотрю несколько эпизодов «Отчаянных домохозяек», занимаюсь растяжкой, чтобы хоть немного размять непривыкшие к отсутствию физической нагрузки мышцы. И вот так чудо!.. Внезапно слышу приближающиеся к моей комнате шаги, предельно точно зная, что на сей раз Сьюзен ко мне идти не может.

Женщина заранее оповестила, что на пару часов отлучится за покупками. Это точно не она идёт ко мне, а значит...

Неужели мистер Харт наконец соизволил ко мне явиться?

Ловко поднимаюсь с шпегата, подправляю платье и подбегаю к зеркалу, чтобы проверить свой внешний вид. Убедившись, что по-прежнему выгляжу чертовски сексуально, грациозно заваливаюсь на кровать, где якобы с интересом продолжаю читать книгу.

Секунды идут, я вся в предвкушении встречи со своим ключиком от клетки, да только вот же непраха: долбаный ключик что-то совсем не торопится попасть в мои ручки. Судя по звукам шагов в коридоре, мой запропастившийся босс движется не по прямой, а будто бы какой-то извилистой змейкой, сопровождая свой хаотичный путь шумом открывающихся дверей соседних комнат.

Адам там набухался в хлам, что ли, и забыл, в какой спальне я нахожусь? Очень надеюсь, что его тормознутому путешествию до меня есть другое объяснение, потому как вдрабадан пьяный Харт в мои планы точно не входит – это попа-

хивает работой без поощрения, что меня вообще не воодушевляет.

Я его, значит, сейчас ублажу, так сказать, высосу билет на улицу, а он потом проспится и заявит, мол, ничего не помню. Вот уж совсем не хочется подобного сценария. Но ладно. Как будет, так будет... Разберёмся.

Отбрасываю книгу в сторону, поднимаюсь с кровати и направляюсь к двери. Прислоняю к ней ухо, напрягаю слух, желая чётче расслышать шумы, доносящиеся в коридоре. Но там всё те же шаги и всё те же звуки открывающихся дверей спален.

Может, мне его позвать стоит? Услышит зов и сразу же сумеет найти выход из дебрей леса, в которых он как будто бы там заплутал?

– Адам?! – вскрикиваю я, и за дверьми мгновенно воцаряется тишина. – Адам, я вообще-то здесь! Ты потерялся в своих гигантских хорах или просто запямятовал, где я нахожусь?! – добавляю с усмешкой и остаюсь без ответа.

Лишь неторопливые шаги всё-таки добираются до нужного места. Ручка моей двери тут же начинает дёргаться, но не позволяет долгожданному гостю войти внутрь.

Да уж... Он точно нажрался!

– Похоже, о том, что ты держишь меня в заточении, ты тоже напрочь забыл, – протяжно выдыхаю, покачивая головой, и следом вздрагиваю всем телом от неожиданности, когда вместо низкого мужского тона слышу недоумённый де-

вичий голосок:

– Какого чёрта Адам держит тебя в заточении, Николина? Вот тут я в нехилый ступор впадаю. Такого поворота никак не ожидала. Даже зависаю на пару десятков секунд в усердных попытках по голосу идентифицировать личность девчонки, которая определённо меня знает.

– Эй! Ты меня слышишь? Ты почему взаперти сидишь? Что это еще за приколы такие? – не на шутку озадачивается она.

И не без основания, ведь это никакие не приколы, а моя новая реальность на ближайшие... хренову тучу времени.

– Николина! Ты чего замолкла? Почему он тебя закрыл? У тебя там всё в порядке?

А теперь девчонка заметно пугается, повышая громкость голоса, тем самым позволяя мне наконец сообразить, кто стоит по ту сторону двери.

Камилла Лоретти... или сейчас уже правильной говорить: Камилла Харт.

Что она тут вообще забыла? Кого-кого, а её я точно не ожидала здесь хоть когда-либо встретить. И вот уж совсем не думаю, что неожиданное появление девчонки благоприятно скажется на мне.

Харт, без сомнений, не придет в восторг, если узнает, что я разболтала его нежеланной сестрёнке о наших с ним особенных секс-недоотношениях. А лишний раз злить его – никак не в моих интересах, поэтому...

– У меня всё отлично, Мил, не переживай! Я просто удивилась услышать тебя. Как ты здесь оказалась? – с деланным радушием интересуюсь я, решая попытаться увести её от ненужной темы.

– Как-как? На лифте поднялась. Другой вопрос – что тут делаешь ты?

Блин! Не получилось! А ну-ка попытка номер два.

– На лифте? И тебя так просто пропустил охранник?

– Не просто, но пропустил. Сначала выкинуть меня хотел из здания, но, когда увидел в моих документах фамилию Харт и услышал, что я пришла дожидаться возвращения брата с работы у него дома, мигом изменил своё отношение, – с возмущением рассказывает Милла. – Но ты, давай, не увиливай от ответа. – *Эх... А так хотелось.* – Что случилось? Почему твоя дверь закрыта? Ты можешь её открыть со своей стороны?

Ха! Могла бы – уже давно бежала отсюда так, что только пятки сверкали бы.

– Нет, не могу, но ты не переживай – Адам скоро вернётся с работы и откроет. Тут просто с замком что-то произошло. Заклинило механизм или нечто вроде того.

– А почему ты сказала, что он держит тебя в заключении? – с недоверием спрашивает Милла.

– Когда Адам сегодня с утра уходил, так неудачно хлопнул дверью, что замок глюканул – они в апартаментах все электронные. И вот так я тут нечаянно застряла на целый день.

Чем тебе не заточение? – добавляю голосу озорные нотки, надеясь, что она поверит.

– Точно?

– Ну, естественно. Ты что же, думаешь, он меня здесь, как в тюрьме, ежедневно держит? – вот сейчас я искренне усмехаюсь.

– Нет, конечно, нет... Но... почему ты мастера не вызвала?

– Я телефон где-то в доме оставила.

– А компьютер?

– Его у меня нет. Только у Адама в кабинете.

– А прислуга?

Уф... вот же заноза!

– Представь себе, именно сегодня домработница взяла отгул. И тоже должна вернуться домой только в ближайший час. Так что мне повезло, так повезло, – преспокойно вру я, будто заранее готовила ответы.

Хоть в чём-то мы схожи с моим альтер-эго. Искусно врать – наша единственная общая способность.

– Да уж! Не то слово. Я бы повесилась, если бы меня оставили на целый день в закрытой комнате.

Даже не сомневаюсь – этой торпеде всегда был необходим простор, свобода и движение.

– Помню, в детдоме за непослушание меня именно так и наказывали: запирали в маленькой пустой комнатухе на несколько суток. Прямо, как в карцере. Без окон и света. Толь-

ко еду приносили с водой, и всё. Это было кошмарно. На всю жизнь запомню этот ужас и суровое лицо моей воспитательницы, которая делала это со мной, – с неприкрытой злостью рассказывает Милла и замолкает, как предполагаю, застревая в неприятных воспоминаниях.

Вот только её негатива мне сейчас не хватало.

– Так, а что ты тут делаешь? И почему по соседним комнатам шастала? – желая вернуть Камиллу в её привычный жизнерадостный режим, задаю весьма интересующий меня вопрос.

– Я?.. Так я... это... Адама искала... Думала, может, он уже пришёл домой, – неуверенно мнётся она, что кажется мне до жути странным.

– Адама? Зачем?

– Поговорить.

– О чём?

– О кое-чём важном.

– О чём кое-чём важном? – с улыбкой любопытствую я.

Настала моя очередь допытывать её.

– Это тебя не касается, – выпаливает она.

На сей раз уверенно и твёрдо, отчего мне становится лишь любопытней.

– Неужто со страшим братом решила подружиться? – прислонившись спиной к двери, выдвигаю резонное предположение.

– Нет... Ну... точнее, это тоже было бы неплохо сделать,

но в первую очередь не для этого.

– А для чего? – не сдаюсь я.

А вдруг во второй раз прокатит?

– Я же сказала, Ники, это тема тебя не касается.

Не прокатило. Но попытка не пытка. Ничего не потеряла.

– Ты не знаешь, когда Адам вернётся со встречи? – спрашивает Милла, и по шуршанию с той стороны понимаю, что она тоже прислонилась к двери.

– Со встречи?

– Да, я ездила к нему в офис, и его секретарша сказала, что он уехал на важную встречу, а после в офис уже не вернётся. И так как он завтра покидает Рокфорд, у меня не оставалось других вариантов, как прийти сюда и ждать его возвращения.

– Завтра покидает Рокфорд?

Вот так новости неожиданные приплыли!

– Ну да, возвращается в Нью-Йорк. Почему ты так удивляешься? Разве ты не была в курсе? Вы же с ним встречаетесь? Или уже живете вместе, я правильно понимаю?

Не совсем правильно, Камилла, но тебе об этом знать не стоит.

– Да, конечно я знала об этом. Я же с ним лечу.

Наверное, лечу, если он не забудет меня здесь, как какую-то собачонку.

– Просто не заметила, как дни пролетели. Я думала мы уезжаем на следующей неделе, а оказывается, уже завтра!

Удивление в моём голосе всё сильнее закрашивается вос-

торгом, стоит только подумать, что уже завтра, возможно, я не просто выберусь из этой комнаты, но и отправлюсь в один из самых крутейших городов мира.

Моё настроение только что взлетело ввысь, как тот самый частный Боинг, на котором мы непременно завтра полетим.

– Здорово! Завидую тебе. По-хорошему, конечно же... Я тоже не прочь куда-нибудь выбраться из Рокфорда, – мечтательно вздыхает Камилла.

– А почему ты этого до сих пор не сделала? Как-никак, ты же новоиспеченная дочь самого Роберта Харта. Неужели не можешь выклянчить у папки путёвку в какое-нибудь теплое экзотическое местечко?

– Я же несовершеннолетняя. Я не могу никуда лететь одна.

– Так в чём проблема? Бери старика собой, и отправляйтесь вместе греть косточки на Сейшелы или Гавайи.

Я бы с превеликим удовольствием сейчас оказалась бы под палящим солнышком на белоснежном песочке.

– Он не может, – сдержанно произносит она, но мне удаётся уловить грусть в её голосе.

– Почему?

– Потому что ему сейчас не до путешествий, – Милла на мгновенье замолкает.

По какой причине – не знаю, но совсем скоро она, тихонько вздохнув, добавляет:

– Он с головой ушёл в работу благотворительного фонда.

– Понятно, – тихо фыркаю я. – Отец с сыном – два сапога пара. Работа – их всё.

– Да... это точно, – соглашается девчонка вновь как-то уж очень грустно, зарождая во мне праздный интерес развить эту тему дальше, но, увы, не получается.

Уже в следующий миг раздаётся звон её смартфона, и она резко отстраняется от двери.

– Черт!

– Что такое?

– Ничего... Просто Роб звонит.

– Ты забыла, на какую кнопку нажимать, чтобы ответить?

– Нет... Нет... Сейчас отвечу... Подожди...

Да куда ж я денусь-то? Ждать – это вообще моё второе имя в последние недели.

Она отходит дальше от моей комнаты и лишь тогда отвечает на вызов, вынуждая моё ухо намертво прирасти к деревянной поверхности и по максимуму наострить слуховые рецепторы.

– Да, Роб... Да... Нет... Я скоро буду... Нет... Не злись... Да... Откуда ты знаешь? – немалое удивление с крупницей страха сменяется протяжным выдохом. – Я же просила не следить за мной! Что за недоверие такое?! – а сейчас её напряжённый тон наполняется знакомой мне злостью.

Подумать только! Выходит, Адам действительно точная копия своего папашки – тот тоже, оказывается, любитель приставлять к людям слежку.

– Да... Я здесь... Ну и что?.. Его дома нет... Не переживай... Я ничего не сделала, а просто принесла ему свой подарок... Да... Да... Что? Ты уже внизу?.. Но... Ладно... Да, поняла... Спускаюсь... Да! Роб! Сейчас же спускаюсь! – Камилла отключает звонок и сдавленно ругается, посылая Роберта нелицеприятными словечками.

– Что-то случилось? – напоминаю о своём существовании.

– Нет, ничего, – отвечает Милла, но её резкий, нервный тон говорит об обратном.

– Уверена? Роберт тебя там не обижает? Ваш разговор мне показался не совсем дружелюбным.

– Нет, всё хорошо. Правда. И, конечно, Роб меня не обижает, а скорее наоборот – чересчур усердно опекает. Из-за этого и так сильно бесит.

Ох, как же мне это знакомо! Излишняя опека Остина меня годами прямо-таки душила, как удавка.

При воспоминании о нём я непроизвольно прислоняю руку к груди, чувствуя странное колебание между рёбер. Секундное, но крайне осязаемое, человеческое, душевное, мать его, – и это нехорошо. Ой, как нехорошо. Такая слабость мне не свойственна, но очень даже присуще Николине. Так что никаких больше мыслей о Риде – ни к чему мне они. Подобные внутренние реакции позволять ни в коем случае недопустимо.

– А что за подарок ты принесла? – бросаю ещё один вопрос, чтобы быстрее отвлечь себя от запретной темы.

– Что? – недоумевает она.

Я будто вновь её из своих размышлений вытянула. Всё-таки с этой девчонкой сегодня происходит нечто странное. И как же здорово, что мне по барабану.

– Ты сказала Роберту, что принесла какой-то подарок. Что это? Или это тоже секрет?

– А-а, нет, не секрет. Я нарисовала картину. Думаю, и тебе она тоже понравится. Я её у входа оставила, надеюсь, вы возьмёте её с собой в Нью-Йорк. Я очень старалась. Впервые по памяти рисовала, – сообщает Милла, возвращаясь к моей двери. – Слушай, мне нужно бежать, а то Роб ещё сильнее разозлится. Но давай, может, я вызову мастера? Пусть замок посмотрит. Зачем Адама ждать? Неизвестно, сколько тебе ещё взаперти сидеть придётся.

– Нет, не стоит. Он меня тут запер, так что пусть сам и вызволяет.

– Ах, поня-я-ятно. Сексуальные ролевые игры устроите? – ошарашивает своим предположением девчонка. – Принц спасает заточённую принцессу, а она его за это великодушно благодарит?

Этой фразой она доводит меня до раскатистого, громкого смеха.

– Принц? Адам? – сквозь хохот выдавливаю я. – Ну ты, Мил, как скажешь, так хоть стой, хоть падай.

Что я и делаю, скользя спиной по двери вниз.

– А что? Разве это не так? Адам же такой... Такой... Ох...

Такой...

Жестокий?

Безэмоциональный?

Козлина эгоистичный?

– Он такой красивый, высокий, сильный, сексуальный... обалденный! Просто мечта! – с благоговейным придыханием выдаёт Камилла.

Девонька, как же ты собиралась с ним важные разговоры вести, если расплываешься в кашшу от одного только произношения его имени? Ей богу, смешная.

– Да уж! Адам та ещё мечта, – усмехаюсь я, но Милла не улавливает моего сарказма.

– Тебе так повезло, Ники! Наверное, это невероятно – быть любимой таким мужчиной! – восторженно блеет она, продолжая меня изрядно забавлять своими фразами.

Как быть любимой таким мужчиной – мне неизвестно, зато как быть им затраханной до полной потери пульса – очень даже.

– Как и мне хочется нечто подобного!

Тсс... Мил, поосторожнее с желаниями.

– Так хочется безумных эмоций и приключений! Хочу встретить своего красавчика, который смотрел бы на меня так же, как Адам смотрит на тебя. Я частенько мечтаю, чтобы мой герой втайне ото всех взобрался ко мне в спальню и всю ночь напролёт любил бы меня – нежно, ласково, усыпая всё тело поцелуями, и в то же время страстно, глядя в глаза с

искренним обожанием, словно я самое важное и прекрасное в его жизни. Это же так романтично! Лучшее, что можно себе представить!

Ох ты ж боженьки! Милота-то какая! Даже завидую её сладким эротическим фантазиям. У меня таких нет. У меня вообще никаких нет. Фантазировать и мечтать не умею, да и оно мне не надо. Уверена, мне вполне хватит «ролевых игр» с Адамом, в которых однозначно не будет слащавой романтики. Они будут куда грязнее, жёстче, виртуозней, без чувств и исключительно с целью получить как можно больше привилегий во время моего заточения. Так точно! И уже завтра я очень-очень постараюсь заработать первую из них.

Так что, мистер Харт, жду не дождусь встречи с вами и обещаю – вы останетесь полностью довольны своей игрушкой, которую сами же и создали.

Глава 5

Адам

Две недели назад

– Мать твою, Харт! – По ушам смачно бьёт негодующий крик Тони.

Даже через динамик айфона он обладает оглушительным эффектом.

– И тебе привет, Мэрроу, в чём дело? – спокойно отвечаю я, параллельно проверяя все условия нового договора с до-тошным, но крайне выгодным клиентом Джоном Уитмором.

– В чём дело?! Ты ещё спрашиваешь?! – возмущение друга лишь увеличивает громкость.

– Всё верно: спрашиваю. Читать мысли я не умею, – отвечаю и на всякий случай отвожу айфон подальше от уха.

– Дело в твоей просьбе прикрыть твой зад! – раздраженно бросает Тони, вмиг проясняя, в чём весь сыр бор.

Правда, это была не просьба, а скорее приказ в ультимативной форме. И вовсе не для прикрытия «моего зада», а в благоразумном желании – избежать смешивания личных проблем с работой.

– Поподробнее можно? – ровным тоном произношу я, продолжая сосредоточенно вчитываться в информацию до-

кументов.

– Я только что беседовал с Остином Ридом.

– Это я уже понял.

– В крайне неприятном ключе.

– Это тоже было ожидаемо.

– Этот сопляк вздумал мне угрожать!

– А вот это уже интересно!

– Интересно? – злостное рычание Мэрроу вибрирует в трубке. – Интересно то, что его угрозы отменно на мне сработали!

Я наконец откладываю листы в сторону и отодвигаюсь в кресле от стола.

– Ты что, назвал ему моё имя? – цежу сквозь зубы я.

Пусть только попробует ответить: «Да» – мигом пожалеет.

– Нет... Конечно, нет, – спешно заверяет Тони, явно по одной только моей интонации почувствовав невысказанное предупреждение. – Ему просто удалось меня неслабо удивить. Этот парень каким-то образом взломал нашу защиту и украл записи с видеокамер. Он грозился слить их в интернет, если я не расскажу ему всё, что знаю.

Смекалистый малец, однако. В который раз в этом убеждаюсь. А я вот в свою очередь признаю, что лоханулся, забыв оповестить Тони о своём причастии к взлому их базы данных. Но мне простительно – под каким углом ни посмотри, последние дни были не из легких: из-за важного сотрудничества с Уитмором в офисе навалилась целая го-

ра дел, требующих обязательного выполнения до отъезда в Нью-Йорк, а дома... там моя изнеможённая пленница, с которой я в ближайшее время не смогу повторить сумасшедший сценарий недавней ночи, как бы того ни хотел.

После тщательного осмотра Лины врач для полного восстановления её здоровья строго предписал ей как минимум месяц отдыха.

Месяц! Как минимум!

Вначале я знатно обалдел от столь длительного срока и думал уже послать куда подальше все рекомендации врача, однако, когда он начал перечислять нанесённые мной повреждения, я был вынужден с ним согласиться.

Мне ещё радоваться нужно, что Лина не подцепила никаких гадостей после их незащищённого секса с Ридом, иначе бы её восстановление могло бы затянуться ещё дольше. Также повезло, что во время медосмотра у девчонки начался цикл, и необходимость в применении экстренной контрацепции разом отпала. Врач совсем не хотел смешивать таблетку, предотвращающую беременность, с другими лечебными медикаментами, которые пришлось ей ввести из-за ослабленного состояния. А я, даже несмотря на желание подстраховаться, и не думал настаивать.

Мой безрассудный гнев на Лину практически полностью спал после нашей бурной ночи, а в здравом уме для меня её здоровье занимает далеко не последнее место. И это главная причина, почему теперь мне приходится всеми силами удер-

живать себя, чтобы не ворваться к ней в комнату и не ухудшить её состояние ещё больше, чем уже сделал, неосознанно покалечив её в процессе чистки памяти и улётных оргазмов.

И, к слову, не нарушить её покой раньше времени мне изрядно помогает исчезающая картина её осунувшегося лица с впалыми скулами и худенькой, хрупкой фигурки, усыпанной синяками и следами крови, что опять вызывает во мне дурацкое чувство вины. А мне уже известно, какие любовные, не свойственные мне порывы и желания она вызывает, поэтому ни за что не хочу видеть Лину, пока она не перестанет быть похожа на истерзанного мной котёнка.

– Алло! Ты там заснул? – резкий вскрик Тони обрывает поток тягостных мыслей о дикарке.

О чём он там говорил? Ах да! О секретных видео из клуба, якобы выуженных стараниями Рида. Пусть друг так и продолжает думать. Даже не собираюсь его переубеждать, ведь слушать его ор ещё и по этому поводу абсолютно неохота.

– И что же ты наплёл парню? – всецело возвращаюсь к немаловажной теме я, желая убедиться, что Тони направил Рида по неверным следам.

– На самом деле я ничего ему не плёл. Сказал всё как есть.

Я закуриваю и выслушиваю краткий пересказ их с Ридом беседы.

– И ему этого хватило, чтобы решить уйти без ответов? – с немалой долей удивления спрашиваю я.

– Нет. Он ушёл не потому, что поверил в мою неосведом-

лённость. Он, бля*ь, просто сжалился надо мной, – безрадостно посмеивается он.

– В смысле?

– В прямом. Я же ни хрена не мастер сдерживать свои эмоции, как вы с Эриком. У меня на лице без всяких слов было написано, что я сейчас плаваю в полном дерьме из-за ситуации с братом, которого, несмотря ни на что, всё ещё надеюсь уберечь от многолетнего заключения. И думаю, после нашего с тобой уговора, если выбирать между будущим Эрика и репутацией клуба, мой выбор вполне очевиден. Никакие угрозы не заставили бы меня рассказать ему о тебе, и Остин каким-то образом не просто понял это, но и оказался, мать его, крайне понимающим парнем, не став продолжать давить на меня, даже будучи абсолютно уверенным, что я лично знаком с начальником его псевдосестрички.

– Абсолютно уверен? С чего вдруг?

Встаю с кресла, неторопливо подхожу к панорамному окну с видом на даунтаун. Без интереса наблюдаю, как на улице опять какая-то дождливая ересь начинается.

– Не знаю. Наверное, он очень проницательный или интуиция хорошо работает. Другого объяснения найти не могу. Но Рид полностью уверен в нашем знакомстве, так же как в чистоте и праведности своей любимой. Представь себе, он даже попросил передать тебе кое-что, – усмехается Тони.

Мои брови непроизвольно ползут вверх, а губы растягиваются в ироничной улыбке.

– Он сказал, что рано или поздно найдёт тебя и чего бы ему это ни стоило освободит Анну от вашего контракта. Вот комедия!

Да я б сказал не комедия, а настоящий угарище, от которого мне почему-то совсем не хочется смеяться. Рид только через мой труп освободит Лину от несуществующего контракта. Уж поверьте мне на слово!

– Представляю, как он опешит, когда *рано или поздно* узнает, что освобождать никого ниоткуда не надо, а скорее лишь доплачивать, чтобы уговорить девчонку сбежать от тебя. Конечно, наша донельзя нравственная девица удивила всех, когда умудрилась отказать и тебе тоже, но раз уж она всё-таки согласилась на твой контракт, то ты ей точно запал в самую душу, в сердце, в мысли и куда там ещё можно запасть у девчат, – с издевательским смешком уверенно проговаривает Мэрроу, даже не представляя, что именно мне пришлось сделать, чтобы окончательно и бесповоротно запасть во все вышеупомянутые им места.

Прошло уже несколько дней, но меня до сих пор потряхивает от пережитого той ночью с Линой, а тело не прекращает бить импульсами мистической эйфории.

Это был не просто секс. И даже не умопомрачительно горячий, дикий секс, которого в моей жизни было до неприличия много, а настоящее всецелое соединение – ментальное, душевное и физическое, усиленное огнем «очарования», что на пике наслаждения отправлял дух в искристый космос.

Это было... Мне даже верных слов не подобрать... Полное погружение в иной мир, где существуем только мы двое? Абсолютная синхронизация? Проникновение друг в друга? Под кожу, в кровь, в клетки, во все органы чувств, в мысли... в воспоминания... Но в последние два пункта проникал только я. И слава богу.

Мне в самом деле несказанно повезло, что эта способность Лине была неподвластна – обладай она помимо своего защитного отражения и этой фишкой моей силы, я бы однозначно не остался в живых. Без шуток. Эта дикая кошка и так во время самозабвенной страсти разукрасила всё мое тело до глубоких царапин, укусов и красных отметин, а увидь Лина хоть одно из моих воспоминаний с другими женщинами, она, без сомнений, вгрызлась бы мне в шею, заставив в предсмертной агонии захлебываться своей же кровью.

Звучит жутко, правда? Но в подобном печальном исходе для себя я стопроцентно уверен. Ей точно не удалось бы контролировать себя так, как делал это я на протяжении всей ночи, пока корректировал все имеющиеся в её памяти эпизоды с Ридом. Я сдерживал себя по максимуму, но всё равно знатно покрыл её ушибами. Мне не хотелось причинять ей физической боли, но, к сожалению, не получилось.

Однако такого больше не повторится. Однозначно. Потому что менять её память больше не придётся. Я не оставил от Остина Рида и следа. Везде стер её ненаглядного «братца», заменив собой все до единого фрагмента. Теперь, если

Лина вдруг решит подумать о нём, она всегда будет видеть моё лицо. Везде. В каждом прожитом моменте буду только я. Его же она просто не сможет вспомнить, в отличие от меня, чёрт побери... Я никогда теперь не смогу удалить из памяти их совместные жаркие кадры. Менять воспоминания себе, к сожалению, я не способен. А жаль.

Знали бы вы, каких нечеловеческих сил мне стоило не просто просматривать историю их «дружбы», но также пропускать сквозь себя все ощущения, что Лина испытывала с другим мужчиной. Вот это по-настоящему был суший ад, в котором я будто бы сгорал заживо, задыхался, собственноручно разрезал себя на части тупым ножом, после поливая раны серной кислотой.

Злость, ненависть, обида, ревность, задетая гордость, животная похоть, агрессия, боль – каждую секунду проникновений в Лину мне приходилось сражаться со всей этой бомбой чувств и брать их под контроль, чтобы не причинить дикарке непоправимых увечий.

Вначале держаться было сложнее всего, особенно в моменты их страстной ночи, но позже с каждым исправленным воспоминанием весь ад эмоций и ощущений плавно угасал, пробивая на первый план неземное наслаждение, наполняющее тело живительной силой и отрубаящее разум от всей реальности, – и это не просто образное выражение. Так оно и было.

Некоторые секунды, а то и минуты нашего секса напрочь

выпадали из моей головы. В один момент я глубоко и яростно вбивался в Лину, закинув её ноги себе на плечи, а уже в следующий – обнаруживал свой член в её горячем, сладком рту. Я мог жестко трахать её сзади, притягивая к себе ближе за шикарные светлые волосы, а через одно моргание век оказаться лежащим на спине и с упоением наблюдать, как моя голодная девочка, оседлав меня сверху, активно двигала бедрами так, что чуть до разрыва аорты меня от экстаза не доводила. Не из-за магии, а из-за созерцания её кайфующих глаз, румяного лица, искусанных губ и звука её громкого крика во время очередного оргазма, который я чувствовал каждым атомом тела так же остро, как и свой собственный.

– *И зачем нужно было так долго бегать от меня, Лина? – пребывая в полусознательном состоянии, едва слышно прошептал я, когда после последних сладких содроганий расслабленное тело Лины упало на меня.*

– *Я никуда от тебя больше не убежу, Адам, – осипшим от стонов и криков голосом пообещала она, впиваясь руками мне в плечи и усыпая поцелуями всё лицо и шею.*

– *Конечно, не убежишь. Я тебя просто никуда не отпущу, – скользнув пальцами по её влажной спине, я сдавил податливую дикарку в стальные объятия, желая наглядно показать ей, что я говорю серьёзно.*

– *Никогда? – взглянув мне точно в глаза с трепетной надеждой, проурчало моё проклятье, гипнотизируя меня своей неподражаемой синевой океана.*

– *Никогда... Мне кроме тебя больше никто не нужен, – уверенно ответил я, не осознавая, что за бред несу.*

И, будь я проклят, в тот момент искренне верил в сказанное. А когда миловидное лицо Лины засияло лучезарной улыбкой, и вовсе был готов повторить ей эти слова хоть миллионы раз.

Я вновь завис, как идиот, глядя на её манящие, улыбающиеся губы, что неумолимо приближались к моим для поцелуя. Но я опередил её тогда и, несмотря на данное себе обещание не делать этого, сам поддался навстречу её рту, вторгся внутрь языком, сплетаясь со сладким женским воедино. Упивался её вкусом, запахом, отзывчивостью, страстью, нежностью... и её любовью, мать её, которая мне нахрен не нужна.

Никогда не была нужна. И никогда не будет. А после Лининых приключений с Ридом и неоднократной лжи – так давно мне ни черта от неё не нужно, кроме тела, дарующего мне сверхъестественное блаженство.

Я неустанно повторял себе эти заученные фразы, твердил, как попугай, вбивал себе их голову, точно острые гвозди, однако каждый космический оргазм прибывал своей несоизмеримой мощью все мои убеждения, решения, истинные желания, и я целовал Лину так, будто она – мой воздух, моя вода, моя сила и моё лекарство, без которого я больше не смогу прожить и дня.

Но, к счастью, этот посторгазмический заскок проходил

так же быстро, как и накрывал. Стоило только прийти в себя, как я вновь возвращался к исполнению своего непоколебимого плана.

Жестоко ли я поступил с Линой?

Да.

Заслуживала ли она подобное наказание?

Скорее нет, чем да.

Жалею ли я о содеянном?

Никак нет.

Освистайте меня за это, если хотите, или же закидайте яростными проклятиями – мне похер. Я уже всё сказал: ни одна женщина не смеет делать из меня идиота, оставаясь после безнаказанной. На этом всё! Тема закрыта.

– Адам, так мы договорились насчёт Эрика?

Вновь выплываю из своих размышлений, когда Тони наконец затрагивает тему брата.

Новость обо всех ужасах, что творил за его спиной старший близнец, ощутимо ударила по Тони – как в плане репутации бизнеса, так и в личном, однако он всё равно переживает за судьбу мерзкого братца и хочет ему помочь.

– Разумеется. Всё, как и договаривались. Пусть и не на отлично, но ты свою часть сделки выполнил. Я сейчас же прикажу своему адвокату прекратить вести дело против Эрика. Без его вмешательства у тебя есть хоть какие-то шансы добиться уменьшения срока для него.

– Хорошо... Спасибо... – сдержанно благодарит Тони и

будто бы желает сказать что-то ещё, да только и сам понимает, что это бессмысленно.

Даже будучи его близким другом детства, я не помогу ему в этом деле. Такие преступники, как Эрик, должны понести соответствующее наказание. Я и так делаю многое для него, отказываясь вмешиваться в судебный процесс. Большого от меня ждать не стоит.

– Удачи, Тони! Окажешься в Нью-Йорке – звони, – обещаюсь я.

Не дождавшись ответа, сбрасываю вызов и тут же набираю следующий.

Всего пара протяжных гудков – и с того конца провода доносится учтивый голос прежнего руководителя по разработке нашей новой инновационной технологии. Я игнорирую его вежливое приветствие и сразу же перехожу к делу:

– Билл, объясни мне, пожалуйста, почему вместо усердного ввода в курс дел предстоящей работы в «Heart Corp» Остин Рид шастает по улицам Рокфорда? – сухо интересуюсь я.

Само собой, вопрос риторический. И нервозный, прерывистый ответ работника меня совсем не волнует.

– Чтобы завтра же он был на месте и начал выполнять свои обязанности! Никакие отгулы больше неприемлемы. Увеличь количество рабочих часов до максимума. Я через две недели возвращаюсь в Нью-Йорк, и к этому моменту Рид должен на зубок знать всю необходимую информацию и быть

полностью осведомлённым о всех нюансах нового проекта. Твоя задача – обучить, рассказать, проследить. Если приеду и пойму, что ты не справился – уволю! – строго чеканю я и сразу же отключаюсь, устремляя взгляд в грозовое небо, что уже через пару секунд разряжается мощным шквалом дождя.

Ну что, Остин, посмотрим, как ты будешь пытаться искать меня теперь, когда в твоей жизни не останется ни одной свободной минуты.

Настоящее время

Возвращаюсь домой лишь к двум часам ночи. Заключительная встреча с Уитмором, проходившая в его излюбленном итальянском ресторане, после окончания всех рабочих моментов передислоцировалась в закрытый мужской клуб, в котором новый клиент «Heart Corp» частенько любит проводить свободные вечера.

Как оказалось, занудная и чересчур ответственная сторона Джона распространяется исключительно на работу, в остальном же он вполне сносный мужик. С ним есть о чём пообщаться и в процессе можно обзавестись перспективными для компании контактами, поэтому мы вместе с моим заместителем, который с завтрашнего дня начнёт вести все дела в Рокфорде, без раздумий согласились на его предложение отметить заключение сделки в более приятной обстановке, попивая отменный скотч, в кругу очаровательных девушек.

Скотч и правда был неплох, а вот девочки... Нет, они, безусловно, были высшего сорта, как и положено в заведениях подобного класса: длинноногие, фигуристые, эффектные, знающие, как себя удачно преподнести и быстро очаровать клиента, однако я смотрел на каждую из подсевших к нам за стол красоток, и все они казались мне какими-то тусклыми, пресными, однообразными, чуть ли не на одно лицо, невзирая на цвет глаз, волос и кожи. И даже несмотря на рекордно долгое отсутствие секса, ни одна из них не вызвала во мне искреннего желания уединиться с ней, чтобы снять накопившееся за последние недели напряжение.

Мне не нужно было тратить время на поиски причины тотального равнодушия к окружавшим меня весь вечер женщинам. Причина и так уже давным-давно ясна: ни одна из умелых работниц клуба и в подмётки не годится моей буйной кошечке, которая сидит целыми днями в своей комнате и смиренно ждёт моего прихода.

Смиренность и Николина Джеймс... Подумать только! Раз за разом повторяю в уме это немыслимое комбо и до сих пор не могу поверить в него. Однако, к моему удивлению, домработница ежедневно заверяет, что с девчонкой у неё не создаётся абсолютно никаких проблем. Лина хорошо питается, отдыхает, сама завязывает дружелюбные разговоры и за все минувшие дни ни разу не попыталась устроить бунт и не проявила ни единого порыва поругаться, напасть на женщину и сбежать из пентхауса. Она ведёт себя спокойно, ра-

зумно, без своих обычных агрессивных выкрутасов. Её будто подменили, честное слово. Прямо, чудеса какие-то творятся!

Хотя, о чём это я? Никакие это не чудеса. Просто мои угрозы, видимо, до неё наконец дошли, как надо. Боится испортить будущее «братца» да сама застрять в тюремной камере на долгие годы не хочет.

Воплотил бы ли я в реальность свои угрозы?

Первую – непременно.

Вторую – никогда.

Но Лине об этом знать не стоит, чтобы не потерять мотивацию продолжать и дальше вести себя в том же духе: тихо, мирно, в вечном ожидании встречи со мной и с полной готовностью сделать мне приятно.

Я уже настолько не могу дождаться полного восстановления её здоровья, чтобы наконец добраться до моей заточённой в клетке ведьмы, вкусив весь смак её принуждённой покорности, что каждый вечер, в точности, как и сейчас, вместо незамедлительного погружения в сон после тяжёлого, длинного рабочего дня, я направляюсь к её спальне. Не вхожу внутрь – знаю, что если войду, оказавшись в зоне её «отражения», и увижу Лину, одиноко лежащую в слишком большой для неё кровати, меня будет не остановить, а ей пока противопоказаны мои зверски голодные визиты, поэтому я просто прислоняюсь лбом к её двери и стою так какое-то время, ежесекундно ведя внутри себя беспощадную борьбу с желанием ворваться к кошке и сотворить с ней сумасшед-

шие вещи уже сейчас.

И так каждый грёбаный вечер, бля*ь! Рехнуться можно! В который раз! Хотя, если так подумать, я вообще больным на всю голову из-за неё стал. Мне аж самому временами страшно становится, в кого я превратился с момента нашего знакомства – в шантажиста, конченного мерзавца, маниакального преследователя и самого настоящего уголовника.

Это клиника. Причём психиатрическая.

Сам понимаю, что веду себя ненормально. Здравой частью себя я осознаю всю степень недопустимости своих поступков, но поделаться с этим ничего не могу. Ведь, признаюсь честно, несмотря на то, что я пока не могу напасть на Лину со всем багажом сексуальных желаний, я в самом деле кайфую лишь от одной только мысли, что она находится совсем рядом, в прямом смысле скрыта от всего мира. Только моя.

Я добился своего совершенно не гуманными методами, проигнорировав Линыны желания, крики о ненависти, неоднократные отказы, побеги и убеждения в безграничной любви к другому мужчине... Мне на всё это наплевать. Хочу её – и всё тут! И ни за что не отпущу дикарку, пока моя одержимая мания ею с желанием трахать и днём и ночью не исчезнет навсегда.

Да! Не отпущу и точно знаю, что теперь, когда главная преграда в сознании Лины бесследно стёрта, а все её отрицательные эмоции по этому поводу со временем поутихнут, Лина и сама не захочет никуда уходить. А, может, уже не хо-

чет... Тоже вполне возможно.

Я не общался со своей дикой девочкой уже много дней, поэтому не в курсе – может, её чересчур подозрительная покорность вызвана не только страхом перед моими угрозами, но и долгожданным признанием самой себе, что я именно тот, с кем она хочет остаться? Хотя... Зная её бычье упрямство, скорее я когда-нибудь решусь сменить образ своей жизни, чем Лина признает свои истинные чувства и желания.

Так что завтра во время переезда в Нью-Йорк, когда я, наконец, увижу её и лично понаблюдаю за образцовым поведением обычно вздорной девчонки, мне нужно будет безошибочно определить – настолько ли оно образцовое, каким Лина хочет его показать мне, или же она вновь что-то помышляет?

Успев узнать её достаточно хорошо, я уверен, что от этой сумасшедшей можно ожидать чего угодно, даже когда поводов для опасений и подвохов с её стороны быть не должно. Этот урок я уже уяснил твёрдо: с Николиной Джеймс всё возможно! Я готов ко всему.

Серьёзно – ко всему!

Глава 6

Адам

Утро проходит по своему привычному сценарию: ранний подъём, пробежка, круговая тренировка в тренажёрном зале, душ, кофе, завтрак, в процессе которого я проверяю почту, отвечаю на самые важные вопросы сотрудников и читаю свежие новости информационных технологий.

Всё как всегда. Ничего необычного.

Да уж! Было бы, если бы не одно НО в виде раздражающего и никак не подвластного мне чувства восторга, сопровождающего все мои действия с первой же секунды, как я открыл сегодня глаза.

Чему я восторгаюсь?

А то вы не знаете?

Радуюсь прям как маленький ребёнок, что вот-вот встречу свою белокурую ведьму. И радуюсь настолько сильно, что не умел бы я держать в узде свои эмоции, захлопал бы на радостях в ладоши, а затем запел бы в голос, закружив по комнате.

И это полный досвидос, ребята! Официально: хуже быть просто не может. Влияние Лины и так всегда действовало на меня губительным образом, но, видимо, продолжитель-

ное отсутствие секса лишь усиливает моё нездоровое помешательство на ней до абсолютного максимума.

Мастурбация не помогает. На других женщин смотреть не могу, а если всё же смотрю, то ничего не хочется. По вечерам, словно тоскующий пёс, чуть ли не скулю возле двери её спальни, а сейчас вдобавок ко всему вышеупомянутому ещё и готов радостно завизжать от осознания, что скоро увижу её.

Да ну нахер! Это кто угодно, но только не я!

Ни в коем случае нельзя больше допускать подобных перерывов. По приезде в Нью-Йорк сразу же вызову врача для повторной проверки её здоровья. Знаю, месяц ещё не прошёл, но вдруг с Линой уже всё в полном порядке, и я смогу облегчить своё состояние уже сегодня? Очень на это надеюсь, а то в противном случае я скоро сам от себя блевать начну, и уверен, тошнить меня будет розовыми бабочками.

Ещё вчера вечером я отдал приказ Сьюзен сообщить Лине об отъезде, а минуту назад отправил её выпустить дикарку из комнаты, так как нам пора отправляться в аэропорт.

Будучи полностью уверенным, что со мной она не сможет долго играть роль покорной девочки, как делала это все дни с прислугой, я смотрю сейчас неотрывно в серый городской пейзаж за окном и прыгать не прыгаю, но стереть с губ дурацкую улыбку не могу, предвкушая, как вновь столкнусь с её диким нравом, в котором под напускной, фальшивой смиренностью безусловно царит вселенский хаос. Как услышу

очередные колкие фразочки, провоцирующие во мне ядерный взрыв ярости. Как буду упиваться её демонстративными стараниями дать мне понять, какой я ужасный монстр, как не любит меня, не хочет и всем сердцем терпеть не может, пока я в её синем взгляде буду считать всю истинную правду.

Говорю же: я точно конченный псих, раз начал торчать от всего этого. С другими женщинами я с подобным возмутительным поведением никогда не сталкивался и всегда был безгранично рад этому. Однако вечная дерзость дикарки во время исполнения моих приказов – чистая наркота, кайф, нирвана. От одного лишь предвкушения нашей очередной перепалки у меня прям все волоски на теле встают дыбом, точно от мелких разрядов тока. А стоит услышать ритмичное цоканье каблучком по ламинату, что по мере приближения ко мне в разы обостряет все симптомы «очарования», и я вмиг понимаю – моя бедная измученная пленница уже совсем рядом.

– Привет, – с ходу здоровается Лина.

Твёрдо, звучно, с чётко слышимой радостью, вводя меня в некоторый ступор.

Неужто вечно негодующая ведьма тоже ждала нашей встречи?

Отдаю все моральные силы, чтобы не проявить перед девчонкой весь пи*дец, что она во мне поневоле вызывает, и оборачиваюсь к ней, моментально встречаясь с изумительной картиной.

Мало того что Лина ярко и вполне естественно улыбается мне, что на неё никак не похоже, так ещё ни на какую несчастную пленницу и уж тем более замученную бедняжку она и близко не походит. Как и на себя – тоже. Это странно, но я даже не сразу её узнаю.

Лина всегда казалась мне красивой – будь она в пацанском тряпье или же изнеможённой, бледной худышкой, но сейчас я в прямом смысле дар речи теряю от её сногшибательной красоты.

За всё то время, что я её не видел, изящная фигурка дикарки приобрела более сочные, аппетитные формы, лицо вернуло себе живость и здоровый цвет, обычно волнистые волосы вплоть до талии спускаются блестящими ровными прядями, а сама она в целом прямо-таки расцвела, как грациозная роза, с лепестков которой мне теперь хочется пылинки, сука, сдувать.

Вот же чёрт! Начинается, бля*ь... А точнее, ещё больше ухудшается. Минута не прошла, а я уже плыву, как масло в сковородке, всего лишь от взгляда на неё. И следом едва не шиплю от резко нахлынувшего в теле жара, когда Лина делает медленный оборот вокруг своей оси, показывая мне со всех сторон свои соблазнительные изгибы, выгодно подчеркнутые элегантным платьем.

Кремовая ткань немного не доходит до колен, с широкими бретелями и скромным декольте, которое с лёгкостью можно сделать в разы откровенней или вовсе раскрыть полностью с

помощью дразнящей молнии во всю длину платья.

Растегнуть. Выбросить тряпку нахрен. Развернуть девочку задом. Пройтись языком по каждому её позвонку. Достигнуть попки. Сжать. Смять. Отхлестать. Расцеловать. Проникнуть. Умереть от кайфа.

– Тебе нравится? – вырывая меня из секундного погружения в мир моих фантазий, спрашивает Лина и в ожидании ответа смотрит на меня с искренним интересом.

Но, увы, по моему бесстрастному лицу ей никак не прочесть, что мне не просто нравится. Я в полном ауте от её непривычного для дикарки образа светской львицы, а член мой сейчас разорвёт ткань брюк в желании отыметь её в этом платье и без, припечатав к окну, к стене, усадив на стол, бросив на диван, нагнув... ну, в общем, вы поняли. И это настоящая трагедия, потому как я совсем не уверен, что всё это уже могу с ней сделать, не навредив ей.

– Вполне, – прочистив горло, нейтральным тоном отвечаю я.

– Вполне? – Лина удивлённо изгибает бровь.

Мягкая улыбка играет на женских губах, но я чувствую, что кошка осталась неудовлетворённой моей сухой реакцией.

Ну-ну! Сухой... как же!

– Ты хочешь услышать что-то ещё? – сверлю её миловидное лицо изучающим взглядом, до конца не разбирая, что в нём не так.

– Хм... – на короткое мгновение задумывается дикарка, хитро прищулив глаза. – Да нет, не хочу. Вполне, так вполне. В следующий раз буду лучше стараться, чтобы поразить тебя, – без тени ехидства заявляет она, чем как раз таки знатно поражает меня.

– А ты правда старалась? – мои брови непроизвольно взлетают вверх.

– Конечно. – Лина делает пару шагов ближе ко мне, не разрывая зрительного контакта. – Каждый день старалась.

Вот же лгунья! Опять в своём репертуаре! Но должен признать: роль пай-девочки она играет сейчас безупречно. Даже не к чему придраться. Нигде фальши не нахожу.

– Каждый-каждый? – скептично усмехаюсь.

– Да. – Кладёт руки мне на плечи, взгляд спускает к губам.

Какого чёрта?!

– Ждала меня?

– Круглосуточно. – Смотрит прямо в глаза.

– Даже так?

– Даже так. И днём, и ночью. – А теперь на губы, кончиком языка проводя по своим нежно-розовым.

– Чтобы поразить?

– Поразить... и не только. – Вновь в глаза. Пристально. Подолгу.

– Соскучилась?

– Очень. – Опускает взор вниз на мою рубашку, забираясь руками под пиджак.

Где правда, а где ложь? Вы что-нибудь поняли? Вот и я нет! И думаю, что и не осилю понять, что за сбой произошёл в её уникальной привычке лгать, глядя точно в глаза, пока её пальцы уверенно гладят мой торс, передвигаясь всё ниже и ниже.

Кровь за секунду вскипает в венах, превращаясь в раскалённый сплав, а разум ещё немного – и норовит покинуть чат. Но вот со внутренним зверем происходит нечто непонятное: он почему-то остаётся крайне недовольным всем происходящим.

Физически он как всегда кайфует от близости и скользящих прикосновений дикарки, но морально... что-то не так. Совсем-совсем не так. Будто он чувствует, что перед ним стоит очередная галлюцинация, а не настоящая Лина, что жуть как странно, ведь это точно она. Ошибки быть не может. Все глюки кончились сразу после проведённой с ней ночи. Так что без всяких сомнений это точно она.

– Почему ты ко мне не приходил, Адам? – и это точно Лина выдыхает возле моего рта вопрос с неподдельной грустью. – Не хотел меня видеть? – Скользит кончиком языка по губам, приоткрывая их, ладонью поглаживает мой налитый кровью орган. – Или тебе хватило одной ночи, и ты готов меня отпустить? Я больше не нужна тебе, Харт?

Она усиливает хватку на члене, заставляя меня хрипло застонать. Прижимается ближе телом, слегка смыкает зубы на моей губе и этим дразнящим укусом будто некий переключо-

читель во мне задевает.

И, чёрт подери, тут я не сдерживаюсь: обхватываю Лину за талию, зарываюсь рукой в волосы и с глухим, отчаянным рыком нападаю на её рот с поцелуем – глубоким, требовательным, горячим, как и вся моя кожа, без слов отвечающим, что она мне нужна и никуда я её отпускать не собираюсь, и, чтоб я сдох, раскрывающим мне одну ужасающую правду, которую и близко к мыслям подпускать нельзя.

Я до смерти скучал по её губам, волосам, голосу, родинке на подбородке, изящному тельцу и маленьким ручкам, что порхают сейчас по моим плечам, массируют, сжимают ткань пиджака, спускаются ниже, вновь устремляясь туда, где всё кипит и уже давно требует её внимания. Я скучал по ней гораздо сильнее, чем думал вначале. Сильнее, чем мог себе представить. Сильнее, чем когда-либо соглашусь признать и принять.

Но тогда какого лешего животная часть меня так и продолжает фыркать от недовольства и требует представить ему оригинал, побуждая меня резко оторвать губы от Лениных губ, а её руки – от моей ширинки.

– Что-то не так, Адам? – Лина недоумённо хмурится, не отводя выжидающего взгляда с моего лица.

То же делаю и я: смотрю на неё и не могу найти ответ: что же с ней не так? Что-то точно изменилось, я лишь не могу уловить – что именно?

И дело тут вовсе не во внешнем преображении дикарки.

От него я как раз таки остался в полном восторге. До сих пор налюбоваться не могу. Меня смущает её чересчур приподнятое, как для насильно заточённой пленницы, настроение; слишком несвойственное ей спокойствие и будто бы принятие своего положения, которое я ожидал увидеть через несколько месяцев её показательного бунта, но точно не через пару недель. И напоследок, что-то явно не так с её взглядом. Это не объяснить. Вроде тот же цвет, те же голубые мелкие крапинки в окантовке радужки, но глаза будто принадлежат не моей Лине, а некой незнакомке, которую вижу впервые.

Но это же бред. Полнейший бред!

По ходу, я точно потерял последние крупички разума, одурев от ненормальной похоти, раз мне мерещатся какие-то невозможные вещи.

Это Лина. Моя дикарка. Моя ведьма, вечно запускающая по венам томительный огонь, что порождает лютное возбуждение и миллион других химических реакций в теле. Это она. Стопроцентно. Нет! Даже не сто, а тысяча! Просто эта кошка вновь решила вести какую-то новую, пока ещё непостижимую мне игру. Но я непременно разберусь в её правилах. По-другому и быть не может. И когда сделаю это – как всегда, выиграю её.

– Так что случилось, Адам? Почему ты остановился? Тебе что-то не понравилось? Скажи мне, как сделать тебе приятно, и я сделаю, – щебечет моя искусная притворщица, одновременно раздражая и восхищая своим высоким уровнем

игры.

Ну, это уже норма – ощущать противоречивую смесь эмоций во время общения с ней. Так что тут уж ничего нового.

– Ты сегодня явно проснулась в хорошем расположении духа, раз сама изъявляешь желание сделать мне приятно, – решив подыграть ей, чувственным полупшепотом проговариваю я.

Аккуратным движением отбрасываю длинные пряди её волос назад, провожу пальцем медленную линию от её ушка до венки на шее. Мерно пульсирующей и едва проступающей на тонкой коже, на которой, к удивлению, я не обнаруживаю ни единой мурашки, покраснения или малейшего намёка на повышенную температуру тела.

Что за...? Почему она не горит? Или это я сейчас настолько сильно пылаю, что даже жара её не ощущаю? Да, наверное, так. Иначе быть не может. Чёрт! Что-то я совсем плох. Лечиться поскорее надо.

– Я теперь всегда в хорошем расположении духа и всегда готова тебя ублажать. Разве не для этого ты меня здесь запер? – не прекращая игриво улыбаться, она обнимает меня за шею и вновь прижимается ко мне вплотную.

Ток. Огонь. Жара. Дышать нечем. От перевозбуждения член вот-вот отвалится, яйца – треснут, а мозг уже давно превратился в неспособную думать массу.

– Для этого, – кое-как выдавливаю из себя ответ, пряча руки в карманы брюк.

Меньше тактильного контакта с ней – больше шансов не отыметь её до полусмерти прямо в этот же момент.

– Тогда чему ты удивляешься? Ты мне чётко разъяснил, что меня ждёт в случае неповиновения, поэтому теперь я всегда буду послушной и мечтающий сделать тебе приятно девочкой. И я очень хочу порадовать тебя уже сейчас.

– Да что ты говоришь? – с каждой секундой я охреневаю всё больше и больше.

– Конечно. Ведь я и так уже столько времени просидела без дела. Нужно отрабатывать теперь столь огромное количество выходных. Кстати, ты так и не ответил, почему ни разу не пришёл ко мне? – Её пальцы зарываются в мои волосы и приятно массируют затылок.

Я едва не прикрываю глаза в наслаждении и не начинаю урчать, как довольный котик, ненавидя себя за эту слабость перед ней. Ненавижу её. И не хочу её испытывать. Не хочу! Хочу полностью владеть своим телом и быть самим собой! А не это всё!

– Не приходил, потому что не хотел, – отвечаю стальным тоном и тут же ловлю ещё один ступор, когда в реакции Лины не замечаю ни капли обиды или грусти.

– Зато сейчас я чувствую, что очень даже хочешь, – как ни в чём не бывало ухмыляется она, потираясь телом об мой каменный стояк. – Я с радостью помогу тебе сбросить напряжение, а то ты как-то непривычно сильно зажат, Адам. Это никуда не годится, – констатирует чертовка очевидный факт

и напрягает меня ещё сильнее: быстро перемещает руки с моей головы к молнии на брюках и во второй раз за последние минуты порывается расстегнуть её.

Однако она даже коснуться язычка на ширинке не успевает, как я строго отрезаю:

– Нет! Не трогай! – не верю, что действительно произношу это вслух.

Как не верю и в то, что Лина мгновенно слушается и убирала прочь руки.

Представляете? Она – с первого раза выполнила мой приказ. А я – только что остановил её от моего раздевания. Я в самом деле это сделал. Фантастика!

Мне бы оттрахать сучку как следует, разом вернув себе состояние адекватного человека, а я отказываюсь от этого. Сам. Добровольно. Почему я так делаю? Да потому, что опять думаю не о своих потребностях, а о её, бля*ь! И не могу поступить иначе. Это выше меня. Как вспомню совсем недавний кадр её изувеченного, окровавленного мной тела, так ни в какую не могу заставить себя нарушить рекомендации врача.

Понимаете?! Оцениваете весь неизмеримый масштаб катастрофы? Это не я. Не я, чтоб меня, а неизвестный мне тюфяк заботливый, которого нужно выбить из меня как можно скорее.

– Ты уверен? – Лина сужает веки в подозрительном прищуре.

Она явно тоже не до конца понимает, что за жуть со мной происходит.

– Уверен. Сейчас на это нет времени. Нам пора выезжать, – собрав всю волю в кулак, ровно сообщая я и, не дождавшись ответа дикарки, направляюсь в сторону лифта.

– Я ничего не брала из вещей. Сюзен сказала, что в этом нет необходимости, – нагнав меня на полпути, сообщает Лина будничным тоном.

– Всё верно. В апартаментах в Нью-Йорке у тебя будет всё, что тебе нужно.

– О как! У тебя в каждом городе заготовлена комната для твоих шлюшек? – ни тени злости, негодования или возмущения. Только любопытство с долей насмешки.

Кто это девушка, мать её, и что она сделала с Николиной?

– В каждом, где есть филиал компании, – отвечаю я, искоса меряя её недоверчивым взглядом.

– Что такое? – она же лишь сильнее расплывается в довольной улыбке.

– Ничего. Просто не нахожу ни одной причины для твоей столь безмерной радости.

– Ни одной причины? Серьёзно? – откровенно изумляется дикарка. – Начнём с того, что я впервые в жизни покину этот город и полетаю на самолёте. Это уже целых два веских повода для радости. А третий... посмотрела бы я на твоё настроение, если бы, долго просидев в одной комнате, ты наконец бы выбрался на волю. Да сегодня же – настоящий празд-

ник для меня, – её бодрый голос и правда звенит восторгом, а палец жмёт на кнопку лифта так быстро и часто, будто надеется, что это заставит транспорт до её свободы приехать быстрее.

– Ты же понимаешь, что ты просто переезжаешь из одной комнаты в другую, так ведь? – напоминаю я чрезмерно ликующей девчонке о её неотвратимой участи.

Она несколько секунд молчит, словно обдумывает про себя план по захвату мира, а затем вместо ответа переводит взгляд чуть правее от меня и восторженно охает.

– Это же подарок Миллы! Чуть не забыли его! – Лина обходит меня и поднимает с пола завёрнутый в подарочную бумагу прямоугольник внушительных размеров.

– Что за подарок? И какой ещё Миллы?

– Ну как какой, Адам? – она округляет глаза в недоумении, а у меня, по всей видимости, мозги окончательно замариновались в «очаровании» – я реально не понимаю, о ком она говорит.

– Камилла, сестра твоя новоиспечённая, забыл, что ли? – поясняет дикарка, всюду пытаясь раскрыть упаковку.

Честно говоря, я в самом деле забыл имя этой девчонки. Новый член «семьи» Роберта меня абсолютно не волнует, однако неожиданная новость о её визите сюда знатно озадачивает.

– Почему охрана впустила её в дом? И почему мне не сообщили? Уволю идиота за такую безалаберность! Да и что

эта мелкая вообще здесь забыла? – помрачневшим голосом спрашиваю я.

Двери лифта наконец раскрываются, и мы входим в кабинку.

– Да расслабься. Никого увольнять не надо. Охранник впустил твою сестру только после проверки документов и выяснения цели визита. А пришла она сюда, чтобы принести тебе лично нарисованную картину и ещё поговорить о чём-то важном, но, к сожалению, так и не дождалась тебя, – тоном моего личного секретаря осведомляет Лина.

– Она и поговорить со мной?

Нонсенс.

– Ага. Я тоже удивилась. Но она так сказала.

– Так ты с ней ещё и общалась?

– Ага, – как ни в чём не бывало вновь агакает кошка, продолжая мучиться с раскрытием упаковки.

– Поподробней можно?

Моя суровая интонация заставляет Лину поднять на меня взгляд.

– Когда Камилла пришла, в доме, кроме меня, никого не было. Сюзен как раз ушла в магазин. Поэтому в поисках тебя девчонка начала блуждать по коридорам. Я услышала шаги, подумала, что это ты пьяный по комнатам бродишь, и решила позвать. Так она и наткнулась на мою спальню. Но не волнуйся, Милла не узнала о моём плене. Я наврала ей с три короба, так что она ни о чём не догадалась, – чуть ли

не с гордостью заявляет она, загоняя меня в ещё большее замешательство.

– Вот, значит, как?

– Ага. – Заело же девчонку.

– И ты даже не попыталась с её помощью выбраться из комнаты?

– А смысл? Ты бы всё равно меня быстро поймал, а лишние проблемы мне ни к чему, – спокойно объясняет она.

Неужели действительно так быстро смирилась? Не могу в это поверить. Вот не могу, и всё!

– Чёрт! Да как же она её запечатала? Я сейчас себе все ногти поломаю! – сокрушается Лина, недовольно поджимая губки.

Вижу, как она всё никак не может справиться с распаковкой никому не нужного творения любимой дочки Роберта, и ловко вытягиваю подарок из её рук, одним резким движением разрываю плотную бумагу. И мигом зависаю в удивлении, неподвижно глядя на картину.

Да уж, по ходу, сегодня настоящий день сюрпризов.

– Ну что там? – тут же любопытствует Лина.

Прижимается ко мне сбоку и устремляет заинтригованный взгляд на наш с ней портрет.

В нём мы изображены максимально реалистично, почти как на обычной фотографии, но в то же время с элементами абстракции. На картине мы стоим на фоне силуэтов множества людей и пристально смотрим друг на друга, будто нико-

го вокруг себя не замечая. Белоснежные волны Николины, подобно пенному водопаду, струятся по открытым плечам и спине, словно впадая в водную гладь её вечернего платья. Я же сильно контрастирую на её нежном, ангельском фоне, так как изображён в чёрном смокинге, точно дьявол, полностью объятый огнём. Он тянется своими языками пламени к Лине, лишь в нескольких местах касаясь её кожи, а в основном будто бы натываясь на незримую стену, выстроенную вокруг дикарки, что возвращает всю мою огненную стихию мне обратно.

Надо же! Получается, вот как выглядит моя сила и отражение Лины вместе? И вот про какой огонь и щит тогда на приёме лепетала эта болтливая и, как оказалось, весьма необычная девчонка?

Изумительно! Ей в самом деле удалось меня порядком удивить. Я далеко не ценитель и не знаток искусства, но то, что нарисовала Камилла, выглядит поистине завораживающе.

Мы такие разные с Линой. Вода и огонь. Небо и земля. Север и юг. Точные противоположности. Два не имеющих ничего общего человека. Но почему-то, несмотря на существенное различие, мы создаём впечатление настолько гармоничной, идеально сочетающейся пары, что даже мне самому становится не по себе. Ведь мы с ней вообще не идеальные. И уж точно никакая не пара.

– О-бал-де-е-еть! – с восхищением протягивает дикарка,

аккуратно проводя пальцем по одной из линий огня. – Нехило же тебя там жарит, однако, – весело посмеивается она, разом выводя меня из транса. – Милка, конечно, молодец! Так реалистично нарисовать людей, да ещё и по памяти, не каждому дано. У неё бесспорный талант!

– Да уж. Тут не могу не согласиться, – сдержанно произношу я, чем зарабатываю вопросительный взгляд Лины. – Что?

– Что-что? Ты хоть когда-нибудь можешь проявить адекватные человеческие эмоции, а не только свой излюбленный покерфейс?

– Конечно.

– И когда же?

– Когда злюсь.

– Ой, вот не надо. Во время злости твоё лицо вообще превращается в обездвиженный камень.

Я усмехаюсь.

– В таком случае, когда ты забавляешь меня своими усердными попытками не улыбнуться мне. Вот тут реально без смеха никак.

– Тут возможно. Но это совсем ненадолго. Может, есть что-то ещё, что превращает тебя в настоящего, живого человека?

– Ещё?

Она молчит и выжидающе смотрит на меня, пока я от её колдовского прицела пьянею настолько, что едва получается удерживать себя на ногах.

– Ещё когда трахаю тебя во всевозможных позах. После громких фраз о том, как ты меня не хочешь, слушать твои блаженные крики без проявлений эмоций невыполнимо даже для такого мастера сдержанности, как я, – непонятно с чего откровенничаю я и даже не замечаю, как оказываюсь в паре сантиметров от её чуть приоткрытого рта.

Меня к нему точно примагнитила некая магическая сила.

– Тогда, может, ты хочешь послушать, как я кричу, прямо сейчас? – многозначительно ухмыляется Лина и снова проявляет инициативу приступить к выполнению своих трудовых обязанностей: начинает медленно водить пальчиками по моему окаменевшему торсу, неотрывно глядя мне в глаза, будто в ожидании приказа продолжить дальше.

– Я тебе уже сказал, что сейчас у нас нет времени на это, – чересчур сердито чеканю я, ни в какую не понимая причину своего морального отторжения её ласк, пока физически я, как всегда, таю от электрических прикосновений дикарки.

Причём таю настолько, что ещё чуть-чуть – и в противовес своим словам я вновь запечатал бы ей рот жадным поцелуем, придавив к стене и жёстко трахнув. Да только двери лифта совсем некстати открываются. Или, наоборот, очень даже кстати. Не могу определить точно. С трудом соображаю от капитального перегрева в теле и противоречивой каши ощущений, что провоцирует во мне сегодня Лина.

– Ладно, если не сейчас, то в другой раз мы обязательно должны будем повеселиться в лифте, – вкрадчивым шёпотом

произносит она, заставляя меня в сотый раз недоумевать от сказанной ей фразы, и мгновенно переводит взгляд с моего лица к выходу из здания.

Клянусь, она будто видит долгожданный свет в конце тоннеля, навстречу которому резво устремляется, ускоряясь настолько быстро, насколько позволяют ей это сделать туфли на высоченном каблуке. Полминуты громкого цоканья по мраморному полу лобби, полное игнорирование приветствия консьержа и косых взглядов соседей, и Лина выпархивает через раскрывающиеся перед ней автоматические двери на шумную улицу даунтауна, где расставляет руки в стороны и поднимает голову к небесам.

А что делаю я тем временем?

Так всё просто: я тоже направляюсь к выходу, но, в отличие от шустрой девчонки, делаю это в донельзя заторможенном темпе, желая по максимуму растянуть путь до улицы, чтобы подольше посмотреть на изящную, стройную фигурку Лины сзади. И, пока она не видит, проявить те самые чуждые мне человеческие эмоции и чувства, что требуют архисрочного истребления.

И я избавлюсь от них. От всех до единого. Конечно, я сделаю это. Ведь для меня нет ничего невозможного, если я поставил перед собой цель. И проблема с Линой не исключение. Я справляюсь с ней так же, как делал это со всеми предыдущими, хоть когда-либо усложнившими мне жизнь. Просто чуть позже. Я основательно займусь её решением в

Нью-Йорке.

А сейчас... тайком любуюсь неподдельной радостью своей выбравшейся на воздух дикарки, я ещё совсем немного позволю себе поулыбаться – глупо, сладко, широко и совсем не в стиле Адама Харта.

Глава 7

Николина

Только лишившись чего-то, мы по-настоящему начинаем осознавать, насколько дорога была это вещь, – избитая и старая как мир фраза, но чертовски верная. И под ценной потерей я имею в виду не мою спрятавшуюся за защитными стенами душу. Как раз таки её отсутствие меня нисколько не расстраивает, а только в разы облегчает жизнь. Речь идёт об элементарной возможности в любое время выйти на улицу, увидеть дневной свет и вдохнуть загрязнённый воздух города.

Как же мне этого не хватало все эти дни, чтоб вы знали. До жути просто! А сейчас, расставив руки в стороны и глубоко вдохнув запах свободы, я ещё более ясно осознаю всю важность этой потери. А как представляю, что мне вновь придётся долгими днями торчать взаперти, так вообще дурно становится. Не хочу и дальше сиднем просиживать штаны в комнате в ожидании Адама, особенно в столь потрясающем городе с огромным количеством вариантов, где можно здорово провести досуг, как Нью-Йорк.

Мне нужно сделать всё возможное, чтобы по пути до новой клетки суметь вытрясти из моего бесстрастного босса

послабление условий домашнего ареста. Это главная и, по сути, единственная задача на это путешествие. Ждать следующей встречи нельзя! С таким непонятным, слабо заинтересованным отношением Харта к вроде как вещице, за которой он так долго гонялся, неизвестно когда она может случиться.

В самом начале я предполагала, что Адам с его зверскими аппетитами будет приходить ко мне чуть ли не каждую ночь, однако он так ни разу и не пришёл. Затем я думала, что, увидев меня сегодня всю такую прекрасную-распрекрасную, он мне и слова сказать не позволит, а тут же поставит раком и затрахает за все пропущенные недели. Но вот же чёрт! И здесь я знатно ошиблась. Адам не только не накинулся на меня сам, но и мне не позволил это сделать.

Почему? Вопрос не ко мне. Мол, времени нет? Да вроде как для крутого босса, который сам решает, когда и сколько работать, это так себе предлог. Не хочет меня? И это бред какой-то. Хочет, конечно. Ещё как хочет – это и дураку понятно, видно, ощутимо. Да и я потрогала, так сказать, лично проверила.

Однако, несмотря на сверхъестественное желание, он ни трахать меня не стал, ни внешним видом моим не впечатлился. А я ведь действительно старалась: проснулась ни свет ни заря, чтобы к моменту нашей встречи выглядеть как роскошная, точно сошедшая с подиума супермодель. Хотела потрясти, обворожить, по-шустрому ублажить и заработать заслуженное вознаграждение. Мде... Как бы не так. Мой про-

стенный план явно дал досадную осечку, ведь я по глупости не учла один существенный факт – Харт давным-давно привык к неотразимым, эффектным любовницам и, чтобы суметь сразить наповал такого искушённого и избалованного женским вниманием мужчину, как Адам, нужно постараться в миллиард раз лучше. Запомню это и непременно возьму на заметку для нашей следующей встречи.

– В машину, – неспешно минуя меня, приказывает Харт, и я моментально слушаюсь его.

Без промедлений и возражений следую за ним к уже знакомому черному Rolls-Royce, в очередной раз оценивая поглядывая на высокую, статную фигуру Адама. Он, как всегда, одет с иголочки, в чёрный костюм и белоснежную рубашку. Уверенная походка, снисходительный взгляд. На дьявольском лице ноль эмоций. Мрачный. Невозмутимый. Страшно красивый. И только яркая картина в его руках выбивается на фоне всего его строгого образа.

– Ты возьмёшь её с собой? – чисто из-за праздного любопытства интересуюсь я.

Дождавшись, когда Адам откроет мне дверь, послушно забираюсь в салон автомобиля. Он передаёт произведение искусства водителю и сразу же садится со мной рядом.

– Не выбрасывать же старания столь талантливой художницы в мусорник, – не глядя в мою сторону, отвечает он.

Достаёт телефон и начинает сосредоточенно всматриваться в экран, полностью погружаясь в виртуальный мир интер-

нета.

Значит, опять врубает полный игнор? Ну ладно.

Проходит несколько секунд, и машина трогается с места. Я закидываю ногу на ногу, открываю окно и подставляю лицо влажному потоку воздуха. Разглядываю одноликих пешеходов и быстро пролетающие улицы Рокфорда, по которым столько лет подряд я убегала от царящего в жизни ужаса... Хотя скорее не убегала, а бежала навстречу новым неприятностям, ведь именно в одну из таких «спасительных» пробежек я и столкнулась с самым главным источником моих неудач, который обрушил на меня целый шквал препятствий, мучений, боли и поводов для всепоглощающей ненависти.

Я её не чувствую. К Адаму, как и к любому другому человеку, я абсолютно безразлична. Но её остро испытывает Николина. С первой же секунды, как мы встретилась сегодня с Хартом, я беспрерывно слышу отголоски яростных криков моей другой стороны. Они очень помогают удерживать переданный мне контроль и сохранять мощную защиту непоколебимой, что позволяет не подпускать к себе мешающие качественно работать эмоции и жить исключительно в своё удовольствие.

Ну... или правильней будет сказать: ради удовольствия моего неприступного босса, который так и продолжает копать в телефоне, не обращая на меня никакого внимания. Что ж... Окей. Мне всё равно стоит хотя бы постараться

его трахнуть, поэтому давайте-ка попробую так...

– Я могу открыть люк? – мягким голосом спрашиваю я.

Адам, словно прослушав мой вопрос, непонимающе хмурится.

– Люк... Я могу открыть? Мне свежести побольше хочется, – повторяю, расплываясь в милой улыбке.

Вместо устного ответа он нажимает на нужную кнопку на дверной панели. Жду, пока отверстие на крыше автомобиля полностью откроется, и плавно встаю на ноги, по пояс выбираясь наружу.

Скорость передвижения по городским пробкам без помех позволяет мне насладиться слабыми порывами ветра, что совершенно не портят макияж и не превращают мои не без труда выпрямленные, уложенные волосы в пушистое птичье гнездо. Так, кстати, частенько любил называть мою вечно неопрятную причёску один мурзик.

Эндрюз... Вот кто сегодня по достоинству оценил бы мой обалденный видок. Марк точно похвалил бы меня за такие старания, бросив порцию похабных шуточек в мой адрес, предложил бы свой любимый «перепихон» и точно уже раз сто облапал бы весь мой зад и бёдра, если бы я вертела ими перед его носом так же, как делаю это сейчас с Хартом. А этому роботу хоть бы хны. Невообразимо!

Да что за муха воздержания его укусила? Где зверь? Где неутомимый трахарь? Где одержимой мной тиран, готовый брать меня часами, наплевав на мои отчаянные мольбы о по-

щаде и нанесённые травмы? Что за ерунда с ним творится? Не понимаю. С таким его отстранённым и предельно напряжённым состоянием каши не сварить, а мне перед вежливой просьбой о разрешении погулять крайне важно как следует его растопить, чтобы успешно добиться желаемого.

— Ещё не надышалась? — спустя пару минут моего задоверчения из салона доносится мужской низкий голос.

И в нём отчётливо сквозит раздражение.

Так-так... Интересненько. Моя увеличившаяся на пару размеров задница не пришлась по вкусу боссу... или наоборот — очень даже пришлась? Чтобы узнать ответ наверняка, думаю, стоит это проверить с помощью одного до смеха банального приёма.

Я медленно опускаюсь обратно в салон, как вдруг, не сумев устоять на лабутенах, «нечаянно» подворачиваю ногу и заваливаюсь прямиком на Адама, а он, как всегда, быстро реагирует и ловит меня в капкан сильных рук.

— Чёрт, Лина! — зло полурычит-полухрипит мой начальник.

Ох, да он весь горит! Ещё немного — и пар от кожи повалит. Как же здорово, что я этого больше не ощущаю. Всё наравдаться никак не могу!

— Прости, я не хотела... Просто... ты же знаешь, какая я неуклюжая, — виновато бурчу я, помимо жара чётко осязая под задом твёрдый ответ на мой мысленный вопрос.

— Знаю, поэтому и не лезь никуда! Разве так сложно пол-

часа спокойно усидеть на месте? – продолжает возмущаться он и остервенело сжимает пальцы на моей талии, будто насильно удерживая себя от дальнейших действий.

Только зачем сдерживаться-то? Хочет же меня! Точно хочет! В чём проблема? Бери сколько влезет.

– На этом месте я смогу просидеть и дольше, – решив не сдаваться, вкрадчиво произношу я.

Быстро приподнимаю подол платья, расставляю колени по обе стороны его бёдер и удобно усаживаюсь на Харта сверху.

– Правда, не думаю, что смогу это делать спокойно, – опускаю руки на его плечи, начиная туда-сюда елзить промежностью по его каменной эрекции.

– Лин... – шумно выдыхает он мне в губы, стискивает челюсть, морщится, словно от боли, а его тело и вовсе в мгновение ока будто бы железными доспехами сковывается.

Мой мозг прямо-таки взрываться начинает от непонимания: зачем так сильно напрягаться? Я же наоборот хочу расслабить.

– Что такое, Адам? Ты сегодня какой-то странный, прям сам на себя не похож, – томно шепчу я, ластясь щекой к его густой щетине.

– То же могу сказать и про тебя, – хрипотца его исступлённого голоса вибрирует возле моего уха.

Не щекочет чувствительные рецепторы. Не возбуждает. Не вызывает ни одной телесной реакции. Они у меня все атрофированы.

– А что со мной не так?

– Это ты мне скажи. Что за игру ты опять ведёшь?

Он перемещает руки с моей талии на голые ягодички и безжалостно сдавливают их в ладонях. Стопудово до красных отметин, а может, и сразу до синяков. Но это мелочи. Главное – лёд тронулся.

– Игру? О чём ты говоришь? Я ни во что не играю, а просто выполняю твои условия. Разве не такой ты хотел меня видеть? – немного приподнимаюсь и на выдохе опускаюсь вниз, максимально сильно вжимаясь в мужское достоинство, вынуждая Адама испустить сдавленный стон.

– Такой, но...

– Никаких но, Адам, – перебиваю его тихую попытку что-то возразить, прикладывая ладони к его лицу. Провожу пальцем по губам, носом касаюсь носа. – Ты выиграл. Ты получил меня. Теперь вся моя жизнь – это ты и твоё удовольствие. И ничто кроме этого. Так скажи мне, зачем нам с тобой сидеть без дела и скучать, если можно провести время в дороге с удовольствием? Ммм?

Продолжаю плавно подниматься и опускаться на его вздыбленный пах, ощущая ещё более жёсткий захват мужских рук на попке. Они то и дело пытаются удержать меня на месте. Да только как-то слабо выходит.

– Ты же хочешь меня... И я тебя хочу... Так в чём проблема? Почему нам обоим не получить желаемое? – чувственно цитирую его же слова.

Ничего себе! Мы с ним что? Поменялись местами? Вот так поворот! Никогда не думала, что мне придётся уговаривать Харта оттрахать меня. Вот это уже поистине мистика! Может, я в параллельный мир загремела? Похоже на то, ведь даже сейчас, когда я буквально насаживаюсь на него, имитируя движения секса, и смотрю умоляющим взять меня взглядом в его мутные, расширенные зрачки, Адам какого-то чёрта не делает этого. Мучается, сгорает, говорить от перевозбуждения даже не может, но всё равно не предпринимает дальнейших действий. Что на него нашло? Не понимаю! Но понимать мне и не надо! Мне нужно его добить. Во что бы то ни стало.

– Давай же, Адам. Я безумно хочу тебя, – отчаянно прижимаюсь к его влажной, раскалённой щеке, грудью – к тяжёло вздымающейся грудной клетке. – Ты и так забыл обо мне все эти дни. А я в самом деле скучала. Сильно скучала. По губам твоим, – сладко вру я и так же целую, на пару секунд проникая языком в его рот. – По телу... мне так его не хватало... Особенно по ночам.

Получив в ответ хриплое, утробное рычание, увеличиваю ритм движений бедрами. И на сей раз руки Адама несколько не препятствуют моим манипуляциям, а наоборот, подстраивают под свой желаемый темп. Я почти у цели.

– И по члену твоему очень скучала. Знаешь, сколько раз я представляла его в себе, пока ласкала себя в ванной или постели? Не сосчитать. Мне так хотелось повторения той ночи.

Очень хотелось. Нам же было так хорошо вместе. Невероятно... Ты самый лучший... Ты мне это доказал... Много-много раз доказал, а потом оставил одну на долгое время... Зачем ты так? Разве не понимаешь, что ты мне нужен? Я так ждала тебя... И так хочу тебя сейчас, Адам, – с придыханием выпускаю его имя и нежно прикусываю мочку уха, чем тут же покрываю его ненормально горячую кожу мелкой россыпью мурашек. – Боже... А как я по запаху твоему скучала. Сильнее, чем по свежему воздуху, – утыкаюсь в его шею и вдыхаю, водя кончиком носа по ней. – Ты обалденно пахнешь.

А вот тут я ни капельки не лгу. Пахнет Адам и правда потрясающе. Крышу не сносит напрочь, как раньше, но тем не менее запах его кожи с нотками мускатного парфюма – реально крутая смесь. Занюхаться можно. Что, впрочем, я и делаю: нюхаю жадно, точно одержимая, покрывая его шею поцелуями, издаю блаженные стоны. Смакующие, возбуждённые и самое главное – звучащие до невозможности правдоподобно. В этом я мастер. Уж поверьте. Опыта много. Такие стоны частенько помогали быстрее довести клиентов в «Атриуме» до разрядки, и сейчас они однозначно должны сместить с Адама все сдерживающие его преграды.

Знаю. Точно. Так и будет. Ещё пару-тройку стонов. Дразнящих движений бедрами. Чувственных укусов. Поцелуев. Заискивающих словечек. И вот пальцы Адама в своей любимой манере одним движением рвут мои трусики, а губы смачно впиваются в шею. И он целует. Кусает. Рычит. Что-то

шепчет на непонятном языке. Мне или себе – не разбираю, а после глубоко вдыхает запах моих волос. Вдох. Ещё один. И ещё. И когда я, уже полностью уверенная в своей победе, в третий, мать его, раз устремляю руки к его ширинке, Харт внезапно произносит то, что я совсем не ожидаю услышать:

– А вот ты пахнешь как-то не так. – Он резко тянет за волосы, отрывая меня от себя, настороженно вглядываясь в мою недоумённую физиономию.

Что, простите? Не поняла.

– Твой запах, – хрипловато выдаёт он и прижимается носом к щеке.

Вдыхает. Морщится. Хмурится. Вновь непонимающе смотрит на меня.

– Я воняю, что ли? – отвечаю ему не менее озадаченным взглядом.

Не может быть такого. Все прошедшие недели я только и делала, что часами кисла в ароматических ваннах. Да я должна быть грёбаным благоухающим цветочком. Не меньше.

– Нет, не воняешь, – спустя несколько секунд проговаривает он. Голос его звучит уже гораздо твёрже. – Но ты пахнешь не так.

– Не так, как что?

– Не так, как ты.

– Не как я?

– Да. Не как ты обычно пахнешь.

А... Вот оно что... Так это потому что я не твоя прекрасная дикарка, Адам. Поэтому и пахну совсем иначе.

– Это, наверное, из-за духов. Раньше я никогда ничем не пользовалась, – непринуждённо улыбнувшись, заверяю я.

Правду Адаму знать не нужно. Желательно как можно дольше.

– Если тебе не нравятся эти, в следующий раз попробую другие.

– Нет. Не надо.

– Эти или другие не надо?

– Никакие не надо.

– Совсем?

– Да. Мне нужен только твой запах, – с его языка слетает чуть ли не страстная мольба.

Адам снова начинает что-то скрупулёзно выискивать в моём лице, с каждой секундой всё сильнее возвращая своему взгляду осознанность. Чёрт! Этого допускать нельзя. Всё же так хорошо уже шло.

– Ладно, отныне никаких духов. Только я и мой запах. А теперь трахни меня, Адам, я до безумия этого хочу, – «иступлённо» бормочу я и в страстном желании вернуть босса на прежнюю горячую волну приступаю к тому, на чём остановилась: порываюсь освободить его член из штанов.

– Нет! – на сей раз вместе с очередным отказом он бесцеремонно сбрасывает меня с себя на соседнее место, словно назойливого зверька. – Сиди спокойно, Джеймс. Это приказ!

Сегодня в твоих услугах я не нуждаюсь, – зло чеканит он.

Меряет меня недоверчивым взглядом и, больше ничего не говоря, поворачивает голову к окну, всем своим видом показывая, что моё общество ему более не интересно.

И как это понять?

В моих услугах сегодня не нуждается?

Нет, я, конечно, нисколько не обиделась. Этой функции во мне тоже не существует, но вот удивляться я умею только так. И сейчас я в тотальном шоке.

Что это вообще было? Как такое поведение объяснить?

Он же фактически кипит от желания, кожа горит, воздух вокруг него искрит, а член Харта твёрже металла. Да и разве не он только что разорвал мои стринги, чтобы воспользоваться мной по своему назначению? И после этого Адам заявляет, что не нуждается в моих услугах? Кому он тут заливает? Или у него всё желание резко отпало всего лишь из-за непонравившегося запаха? Реально?

Если это так, то ничего себе привереда нашёлся. Почему-то грязную, измазанную во всём чём только можно Николину он обнюхивал и облизывал с головы до ног так, что остановить было невозможно, а от меня – чистенькой и свеженькой куколки – нос воротит. Удивительно! А потом меня ещё дикаркой называет. Ага! Как же! Сам он абориген первобытный со странными предпочтениями.

Мне в следующий раз к нему немытой и в бомжацких лохмотьях следует явиться? Так, получается? Может, тогда

он сразу захочет меня? Не знаю. Видимо, нужно будет и такой вариант поэкспериментировать. Ведь такая красивая, элегантная, соблазнительная обёртка, в которую я упаковала желанное ему «тело», Харту пришлась не по душе. И при таком раскладе чувствую – мой план добиться разрешения погулять по ярким, шумным улицам Нью-Йорка автоматически накрывается медным тазом.

Печальненько, но ладненько. Нет, так нет! Унывать не стану. Да и сдаваться пока что – тоже. Как-никак впереди у меня ещё есть время попытаться растормошить своего начальника-недотрогу. Вдруг что-нибудь да получится. Если же нет – тоже не страшно. В любом случае я просто возьму и наслажусь по максимуму своей первой в жизни поездкой – долгожданной, жизненно необходимой и навсегда вызволяющей меня из города, в котором ежедневно, год за годом я понапрасну жертвовала собой и отчаянно пыталась выжить.

Глава 8

Адам

Она покорна, послушна, улыбчива.

Она не пререкается. Не спорит. Не обижается.

Она жаждет меня ублажить и сама проявляет инициативу.

Вроде бы этого я так долго и хотел от неё добиться, да?

Всё правильно: именно это мне и нужно было от дикарки с самого начала. Да только вот в чём проблема...

Если в первые минуты нашей встречи у меня закрались лишь абсурдные сомнения, то сейчас я уверен наверняка – эта безумно радостная, игривая, беззаботная, сексуальная, лощёная и враз подчиняющая мои тело и разум красотка – не Лина. И это никакой не прикол.

Возможно, конечно, я тронулся умом, но чем дольше я нахожусь с ней рядом, наблюдая за её поведением, жестами, мимикой, вслушиваясь в интонации голоса, сказанные слова, фразы, тем твёрже и непоколебимей становится моё суждение: она – кто угодно, но только не Николина Джеймс.

Я всегда знал, что у моей кошки имеются неплохие задатки актрисы, да и опыт работы, несомненно, сказывается на навыке правдоподобно входить в различные роли, однако сегодня я, мягко говоря, обескуражен её искусной игрой. Ни

одной фальшиво сыгранной секунды, ни одной напряжённой, натянутой ноты в голосе, ни одного лишнего, резкого движения или негативной эмоции, мигом выдающей её истинное настроение.

Лине не танцами нужно было заниматься, а в драматический кружок вступать. Однозначно! Такому высокому уровню актёрского мастерства многие всемирно известные актёры могут позавидовать. А ведь она точно играет – по-другому объяснить поведение Лины, что в корне противоречит её дикому, свободолюбивому нраву, я не могу. Нет других вариантов. Только если Николина помимо своей любви к братцу умудрилась скрыть от меня ещё и сестру-близнеца, которая каким-то немыслимым образом могла бы поменяться с ней местами. Но это же невозможно. Подобную деталь её семейного древа я точно не смог бы упустить. Я от корки до корки проштудировал всю её подноготную. Никакой сестры быть не может. А даже если бы и могла, то как бы она узнала, что Лина в заточении?

Господи! О чём я вообще думаю? Я точно поехал на всю катушку, раз забиваю голову подобными абсурдными мыслями.

Играет она! Просто отменно играет! И ничего больше. И я обязательно поймаю на притворстве эту хитрую сучку, которая вместо обиды, злости или хотя бы крохотного порыва сдержит в ответ на мой резкий приказ в машине преспокойно улыбнулась мне и, высунув нос в окно автомобиля, точно

ликующий пёс, всю дорогу до аэропорта наслаждалась потоками ветра. А стоило ей увидеть наш частный джет, как губы великой притворщицы мгновенно растянулись в ещё более широкой улыбке. Она пулей вылетела из машины, энергично вышагивала до самолёта, чуть ли не вприпрыжку взобралась по трапу вверх на борт, где с явным интересом осмотрела интерьер и, восторженно выдав одобрительное: «Огонь!», плюхнулась в кожаное кресло напротив Сары, присутствие которой нисколько её не напрягло.

Хотя должно было. Причём сильно. Я отчётливо помню, как во время заключения контракта дикарка едва сдерживала себя от нападения на ассистентку, когда та подходила ко мне ближе, чем на метр. А тут, не прекращая всё так же лучезарно улыбаться (что, если честно, уже начинает изрядно подбешивать), Лина просто приветливо здоровается с ней, чем в энный раз за сегодня удивляет не только меня, но и Сару тоже.

Несколько секунд мой секретарь удивлённо таращится на светящуюся актрису и, в итоге решив ей ответить всего лишь скупым кивком, сразу же переводит всё внимание на меня.

– Доброе утро, Адам. Я только что связалась с Майклом. К нашему приезду он вместе со всеми акционерами будет ждать тебя в главном зале совещаний. График с остальными встречами и рабочими моментами, требующими непосредственно твоего внимания, уже тоже составлен. Ознакомься и дай мне знать, если необходимо что-то поменять, – делови-

тым тоном оповещает Сара, протягивая мне планшет.

Я сажусь с ней рядом и, пока мы взлетаем, внимательно просматриваю все пункты длинного списка дел на сегодня, каждые пару минут исподлобья бросая взгляды на мертво прижавшуюся к иллюминатору дикарку.

Она неотрывно наблюдает за меняющейся картиной за стеклом, восхищённо охает, то и дело блеет вслух какие-то комментарии, не обращая абсолютно никакого внимания ни на Сару, поглядывающую на неё с осуждением, ни на меня – мудака зачарованного, что вновь улыбается ничуть не меньше, чем эта радостная ведьма. И на сей раз в моём неуравновешенном состоянии, до которого она меня довела своими приставаниями в машине, этот недопустимый факт не просто раздражает, он окончательно выводит меня из себя.

– Виски! Двойной! – чересчур резко требую я у вовремя подошедшего к нам стюарда.

Да, в небе на меня всегда работают именно стюарды, а не стюардессы. Во время полётов я чаще всего предпочитаю работать, поэтому в обслуживающий персонал выбираю мужчин, чтобы не сталкиваться с текущими бабами, вечно пытающимися расширить спектр своих прямых обязанностей. По той же причине я предпочитаю вести дела с мужчинами и в других сферах работы. Сара же скорее редкое исключение из правил. Она изначально имела высокую «устойчивость» перед моей силой, а спустя годы ежедневной работы вместе практически полностью обрела иммунитет. Однако даже он

сейчас не спасает её от моей злости: тело девушки сотрясается мелкой дрожью, бледная кожа покрылась испариной и румянцем, а сама она не может скрыть удивления, что её вечно сдержанный начальник пытается исправить своё заведённое настроение алкоголем.

Лина же в свою очередь выглядит абсолютно нормально, без единого признака лихорадки и возбуждения, что озадачивает меня не на шутку. Но попытаться проанализировать эту странность я не успеваю, так как кошка выдаёт ещё один несвойственный ей перл:

– Мне тоже виски! И тоже двойной!

Стюард намеревается уйти, но я жестом руки приказываю ему стоять на месте, острым взглядом врежаясь в милое лицо девчонки.

– Что опять не так? – коротко вздыхает она на мой безмолвный укор.

– Ты же никогда не пьёшь, – напоминаю я её же слова.

– Теперь пью.

– И что изменилось?

Лина усмехается, отбрасывая волосы назад.

– Ну как что? Вся жизнь моя изменилась, Адам, разве нет?

– Так, значит, горе запить хочешь?

– Горе?

Её звонкий, озорной смех как по волшебству действует точно жаропонижающее. Жаль, всего на пару секунд.

– Нет, что ты. Никакого горя. Скорее, наоборот, хочу от-

праздновать данный факт. Я же теперь живу, как настоящая принцесса. И плевать, что как заточённая в башне Рапунцель. Я о такой комфортной жизни даже мечтать не смела. Так чем же это не повод выпить? Тем более в компании с кем-то. А то пить в комнате в одиночестве... ну... тут уж точно только за упокой, да и началом алкоголизма пахнет, а мне совсем не хочется превращаться в копию своей мамы. Поэтому, Адам, разрешишь мне выпить с тобой? Пожа-а-алуйста. Обещаю сильно не буянить... только если сам того не прикажешь делать, – насмешливо заканчивает она, кокетливо изгибая бровь.

Разрешишь? Пожалуйста? Прикажешь? Полное равнодушие в голосе при упоминании матери, ради которой Лина годами жертвовала собой? И, наконец, никакого злого огня во взгляде и поджатых в немом негодовании губ от необходимости всячески лебезить передо мной?

Как возможно так искусно играть? Как?! Ведь она не может не притворяться, ведя себя так! Не может! Никогда не поверю, что за столь короткий срок она примирилась со своим новым положением в моей жизни, напрочь позабыв всё, через что мне пришлось заставить её пройти. За одно лишь стирание лица любви всей её жизни из памяти Николина должна была пылко ненавидеть меня первое время, но ничего этого нет. Ни ненависти, ни злости, ни вечного бунтарства, ни мнимой смиренности, за которой моя дикая девочка скрывала бы весь космос своего истинного отношения ко

мне.

– Мистер Харт? – учтиво подаёт голос стюард, напоминая, что по-прежнему ждёт моего решения.

Ещё несколько секунд просканировав Лину скептическим взглядом, выбираюсь из роя путаных мыслей и позволяю ему уйти.

Парень послушно кивает и во второй раз порывается отправиться выполнять заказ, однако на сей раз его внезапно останавливает Лина, хватая за руку.

– Подожди! – она бегло осматривает стюарда, фокусируя взгляд на бейдже на его груди. – Роджер... Ох, классное имя! Прямо как у знаменитого теннисиста! – дружелюбно восклицает Лина, улыбаясь от уха до уха, пока с лица паренька вся краска сходит.

Он явно на инстинктивном уровне ощутил мою вмиг возросшую ярость, вызванную видом тонких пальцев кошки на мужском запястье.

– А еда здесь есть?

– Есть.

– Отлично! Принеси мне тогда и поешь что-то.

– Что вы хотите, мисс? – Роджер довольно быстро собирается, возвращая губам вежливую улыбку.

Я же с каждой секундой всё больше начинаю жалеть, что на борту запрещено держать бензопилу. Я бы сейчас с удовольствием отрубил ему руку.

– Да что угодно. На своё усмотрение. Я всеядная. Главное

побольше неси, – просит Лина и наконец додумывается отпустить его запястье, спасая тем самым ни в чём не повинного парня от ампутации.

Тот обращается к Саре и, приняв у неё заказ, тут же благодарно спешит свалить с моего радара.

Отцепив руки от подлокотников, за которые я всё это время держался, чтобы не натворить кровавых дел, я наклоняюсь к Лине, пальцем маня кошку сделать то же.

Интерес мигом загорается в её синих глазах, и она послушно подаётся мне навстречу, да только улыбка её бесящая заметно убавляется, когда я, зарывшись пальцами ей в волосы, давлю на затылок и злобно шепчу на ухо:

– Ещё раз посмеешь прикоснуться к кому-то из мужчин, я тебе при каждом выходе на улицу буду наручники надевать, – встречаюсь с ней взглядом, надеясь найти в нём хоть крупицу того же гнева, что сейчас клоочет во мне, но нет – ничего подобного.

В её океанах вновь царит абсолютное безветрие.

– Честно, я не нарочно. Просто забыла про сумасшедшую ревность, – произносит Лина с сожалением в голосе.

Причём с жёсть каким правдоподобным, отчего я не верю ей ещё больше.

– Просто забыла? – сердито фыркаю я.

– Да, забыла. Прости... У меня и в мыслях не было злить тебя, – виновато опустив ресницы, она проводит пальцами по краям моего пиджака. – Но, если хочешь, я могу поста-

раться искупить свою вину прямо здесь и сейчас. Любыми способами. Только прикажи, – она возвращает к моему лицу взгляд, полный чрезмерного рвения выполнить сказанное, но, чёрт побери, моя Лина никогда бы не сказала ничего подобного со столь неподдельным энтузиазмом, да ещё и без грамма презрения.

Даже одурманенным разумом я понимаю сей неопровержимый факт. И это заставляет меня раздражаться до предела, а моего внутреннего зверя – учуять в кошке непонятный фейк. Лишь только в физическом плане мне чихать на всё это хотелось.

Во рту мгновенно пересыхает, тело простреливает электрическим разрядом похоти, а перед взором начинает проявляться череда горячих кадров с эротичными позами, в которых я по-всякому имею дикарку. И если бы не доносящийся откуда-то сверху зов чудом выжившего стюарда: «Мистер Харт, ваш виски», то я не представляю, как бы удержался от исполнения их в реальности прямо на борту самолёта.

Этот Роджер определённо мастер появляться в самый подходящий момент. Искреннее спасибо ему за это.

Парень ставит на стол бокал с водой для Сары и два стакана с крепким и, молюсь, что хоть немного способным облегчить моё состояние напитком, а затем любезно обращается к Лине:

- Ваша еда будет готова через несколько минут, мисс.
- Спасибо, Роджер, ты прелесть. Спасёшь моих спутни-

ков от моего гнева. Когда я голодная – та ещё ведьма, – иронично усмехается чертовка, даря пареньку ещё одну очаровательную улыбочку.

– Лин, я не шутил по поводу наручников, – зло рявкаю я быстрее, чем успеваю подумать.

Роджер снова немедленно ретируется.

– Так разве я его сейчас трогала? – она вопросительно пожимает плечами.

– Хочешь, чтобы и рот заклеивал? – вполне серьёзно угрожаю я, делая жадный глоток виски.

Лина повторяет моё действие и заявляет не менее серьёзно:

– Я буду рада наручникам, заклеенному рту, поводку и всему, что посчитаешь нужным, Адам, если ты будешь почаще выпускать меня погулять.

Чего-чего? Выпускать погулять? Ещё месяца не прошло, а она уже на волю просится? Вот хитрая какая! Так быстро заточение её не закончится, пусть даже не надеется.

– Почаще погулять ты ещё не заслужила, – возвращаю голосу более-менее ровную тональность.

– А как, по-твоему, я могу заслужить хоть что-либо, если ты ко мне не приходишь, а при встрече отвергаешь? – укоризненно смотрит на меня и поджигает губки от досады.

Так вот оно в чём дело, что ли?

– Так ты поэтому так сильно стараешься?

– Стараюсь?

– Да.

– Что именно стараюсь?

– Заработать выход на улицу, – пытаюсь сконцентрировать всё внимание на её лице, но против своей воли спускаю взгляд к её ноге в элегантной туфельке, покачивающейся в нескольких сантиметрах от меня.

– Ох, ты об этом, – хитро глядя на меня, Лина повторно отпивает виски из стакана. – Представь себе, я ещё даже не начинала стараться, Адам. Но если ты всё же дашь мне шанс, обещаю, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы суметь тебя приятно удивить, – многообещающе мурчит кошка и решает добить меня очередным соблазном.

Уловив мой голодный прицел на своих стройных ножках, Лина с медлительной изящностью снимает одну с другой и слегка их раздвигает, открывая мне убийственный вид на её гладкую, обнажённую промежность.

Вот же чёрт! На ней же нет трусов!

Мне кажется, и доли секунды не проходит, а я уже забываю, как нужно было дышать, слышать, думать, говорить и вообще быть дееспособным человеком. Только ослепнуть, как назло, не получается. Или отключиться. Я словно язык проглатываю и залипаю на её аппетитной девочке, будто в другой мир улетаю, где одним стремительным рывком нападаю на неё, разрываю мешающее платье, нещадно сжимаю женские бёдра в ладонях, насаживаю её на свой член и проникаю долго, глубоко, быстро, с варварской жесткостью, на-

плевав на её боль и крики от нанесения новых травм и усугубления имеющихся.

Я в самом деле вижу перед глазами эти яркие, до жути реалистичные, горячие кадры нашего животного совокупления, ощущая, как вся кожа вконец начинает плавиться, щипать, гореть, острое желание охватывает низ пояса, а галстук враз превращается в удавку и перекрывает кислород.

*Да что с тобой происходит, Адам? Кто ты, бля*ь, вообще такой? Не узнаю тебя! Хочешь? Так в чём проблема? Встал, схватил свою шлюху, задрал платье и оттрахал нещадно, получив долгожданное расслабление и космический кайф. Хватит думать о её физическом состоянии. Да и, вероятнее всего, с её здоровьем уже всё в порядке, раз вон как она сама отчаянно просит этого, специально провоцирует, искушает, доводит до помешательства. Давай же! Сделай это! Сделай, мать твою!*

Но, чтоб у меня все конечности отвалились, я опять этого не делаю. Мои зверские желания быстро улечиваются, сменяясь ненавистным мне кадром изнеможённого тельца на чёрных простынях с серьёзным голосом врача, настоятельно требующего повременить с моими сексуальными планами. И всё! Я буквально сгораю сейчас заживо от перевозбуждения, но заставить себя прикоснуться к ней ни в какую не могу – хоть тресни.

Убейте меня, пожалуйста! Просто убейте! Или же я сам себя придушу своим же галстуком, а лучше – нахрен вы-

прыгну из самолёта!

Несколько туманных, самых неадекватных секунд в моей жизни я и правда помышляю над таким видом спасения, чтобы хоть как-то прекратить свои мучения. Однако вместо самоубийства я залпом допиваю виски, резко вскакиваю с кресла и устремляюсь в сторону уборной. Влетаю внутрь, запираю дверь, сдираю к чертям галстук, расстёгиваю верхние пуговицы рубашки и торопливо смачиваю лицо ледяной водой. Дышу жадно, часто, тяжело. Рычу, проклиная себя всеми известными мне матерными эпитетами.

Наверное, я точно беспросветный глупец, раз сразу же не смог понять одну простую, безусловную истину – если уж с Линой с самого начала было непросто, то с ней всегда, мать её, так и будет! Это не изменится! Никогда! А вот кто во всей этой возне с ней и меняется стремительно и неумолимо, так это я. И ничего не могу с этим поделать. Что-то происходит. Я не могу найти этому объяснения, но с каждой проведённой с ней минутой я всё острее чувствую нечто сильное, необратимое, бессознательно меняющееся во мне.словно я уже не я. И это бесит!

Смотрю в своё отражение и едва сдерживаюсь, чтобы не врезать кулаком по стеклу, расколов на части физиономию незнакомца, которого я всем нутром видеть в себе не желаю. Холодные капли стекают по его лицу, слегка остужая температуру тела. Но лишь на короткое мгновение, пока влага не испаряется от соприкосновения с моей разгорячённой ко-

жей.

Опершись руками на край раковины, стою так некоторое время, пытаюсь прийти в норму. Да только я уже забыл, что это такое – норма. С появлением на моём пути этой девчонки, по ходу, мной не было прожито ни одного спокойного дня, не считая тех, что я пробыл в эмоциональной отключке. Все же остальные в той или иной мере состояли из бесконечных мыслей о ней и неудержимого желания поймать бунтарку, чтобы пришить к себе намертво, повелевать ею, обладать, трахать, всецело заполнить её мысли и пользоваться по своему усмотрению.

И вот когда, казалось бы, все проблемы позади, дикарка находится в полной моей власти и я могу делать всё из вышеперечисленного, я опять не делаю этого, потому что сталкиваюсь с новыми преградами, мешающими мне с головой отдаться своим желаниям и потребностям. И это неконтролируемо! Неподвластно! Против моей воли! Оттого и разрывает меня на части, воспаменя похлеще «очарования», что сейчас нещадно разъедает моё тело огнём. И вдобавок к вынужденному воздержанию, от которого я и так скоро протяну ноги, эта ведьма вновь умудряется ввести меня в колоссальный ступор, заставляя ежесекундно ломать голову над ребусом – что с ней не так? И самое дерьмовое во всей этой наидерьмовейшей ситуации, что в моём лихорадочном, возбуждённом состоянии я едва мысли могу связать воедино, что уж там говорить о чём-то большем и сложном?

И как только я собираюсь ещё работать весь день? Не представляю! Головы кого-то из сотрудников, а может, даже и партнёров, без сомнений, полетят сегодня по причине и без, если я не исправлю свою плачевную кондицию. А значит, до начала длинного рабочего дня мне обязательно нужно снизить эмоциональный накал и максимально расслабить тело.

Ох, и вот тут я сам себе слово даю: по прибытии в Нью-Йорк я непременно сделаю это! Пусть даже в этот раз для снятия сексуального напряжения мне придётся воспользоваться не Линой.

Глава 9

Николина

Я чуть не прыснула раскатистым смехом, увидев напряжённо-ошалелое лицо моего босса, когда раздвинула перед ним свои ноги, желая ещё раз подтолкнуть его к великим подвигам. Но, увы, и тут не прокатило.

Хотя ему даже сдирать с меня больше ничего не нужно. Доступ и так уже полностью открыт. Всего лишь руки протяни... а точнее, кое-что другое, и бери на здоровье, сколько душе угодно. А ведь Адаму и правда стоит подумать о своём здоровье – его физическое неудовлетворение отслеживается уже не только в нервно-раздражённом поведении, но и в наэлектризованной атмосфере самолёта.

От такого накала его ассистенточка уже вовсю изнемогает от возбуждения. Если Адаму самому в кайф мучиться, то подумал бы хотя бы о своей преданной помощнице. Она же вместе с ним страдает. Сочувствую бедняжке. Хотя нет, вру. Не сочувствую. Плевать мне на неё хотелось, так же как и Адаму. Этот беспросветный эгоист, вместо быстрого и лёгкого способа остудить себя и трясущуюся Сару, просто взяв и оттрахав меня, резко вскочил и ускорился куда-то сломя голову. А ведь девчонка ещё немного и, последовав моему при-

меру, тоже раздвинула бы перед ним свои ноги.

Интересно, от неё он тоже спасался бы бегством, как сделал это со мной? А он именно спасался. Лучшего определения, чем спасительный побег, его стремительному уходу мне не найти.

И кто теперь от кого носится? Умереть от смеха можно! Да уж! И в то же время выпасть в осадок и окончательно сдаться. После такой необъяснимой реакции Адама на моё обнажённое интимное местечко я точно умываю руки. Если мужик так улепётывает от того, что стоило бы брать без оглядки, у него явно имеются какие-то личные проблемки, которые мне вряд ли по силам разгадать. Или всё-таки какая-то проблема во мне? Непонятно. И очень жалко – теперь я стопроцентно осознаю, что свободы мне сегодня точно не добиться.

Но тем не менее это никоим образом не мешает мне всю упиваться сложившейся ситуацией. Мой полёт определённо проходит в разы увлекательней, чем я могла себе представить. Издеваться над Адамом и любоваться искажённой недовольством физиономией Сары – наикрутейший способ поднять себе настроение.

– Может, ты уже наконец сдвинешь ноги? – раздражённо бросает доселе хранящая тактичное молчание секретарша.

Чего и следовало ожидать: стоило Адаму оставить нас наедине, как можно сразу выпускать наружу свою истинную сущность мымры.

– Я тебя смущаю? – в моём голосе ноль интереса или смятения.

Чего она там не видела? Да и не так уж сильно я их раздвинула.

– Это ненормально – ходить без нижнего белья, особенно в платьях. И тем более раздвигать ноги перед людьми. Ты ведёшь себя вульгарно, – возмущённо бурчит, как старая бабка.

– Так это потому, что я ненормальная и вульгарная. И, к твоему сведению, Адам точно такой же. Ведь это он их с меня сорвал, оставив без белья. Так что попрошу: ко мне без претензий, – ухмыляюсь я, в открытую наслаждаясь её перекошенной мордашкой.

– И что он только в тебе нашёл? – неодобрительно цокает языком.

– То, что в тебе не смог.

Мой ответ изрядно задевает её. От злости презрительное лицо Сариты становится краснее на несколько оттенков, наконец перекрывая румянец от чар Адама. И это сразу раскрывает мне все карты.

– Так-так-так... – ехидно прищуриваюсь. – Да передо мной сидит не кто иная, как ещё одна по уши влюблённая в него бедолажка, не так ли? – довольно протягиваю я.

– Бедолажка здесь только одна – и это ты. Я – его помощница, – с непомерной гордостью выдаёт она.

– Влюблённая помощница.

– Незаменимая помощница, – гнёт свою линию зазнайка.
Зло. Сквозь зубы.

– Незаменимых нет.

– Это среди вас, шлюшек, – нет. А я с Адамом работаю уже несколько лет и буду работать ещё долго после твоего ухода.

– Какая уверенность! – театрально закатываю глаза.

– Да, я уверена в этом. Он мне доверяет и знает, что я никогда не предаю. Я полностью подхожу под все его требования, быстро и чётко выполняю каждое поручение и знаю все его привычки и предпочтения.

Вздёрнуть нос выше, чем сделала это она, наверное, невозможно. Сара в самом деле считает, что занимает важную роль в жизни Адама. Что ж... Быть может, так. Но меня сейчас интересует кое-что другое.

– Его предпочтения в сексе тоже знаешь?

– Я не сплю с ним, – твёрдо отвечает Сара, но так ли это на самом деле?

Мне нужно знать наверняка.

– Вообще, что ли? – сверлю её пытливым взглядом.

– Вообще.

– Ни разу?

– Ни разу.

– Но вы же почти каждый день вместе.

– И что? Я не для этого нахожусь в офисе. Адам никогда не смешивает работу с удовлетворением физических по-

требностей.

– А хотела бы?

– Что? – слегка теряется Сара.

– Потрахаться с ним хотела бы?

– Я не шлюха, как ты, – она смеряет меня ещё одним презрительным взглядом, но мне от него ни горячо ни холодно.

– Вопрос был не в этом.

– Хотела бы, естественно. Кто бы из женщин не хотел?

О, ты даже не представляешь, милая. Есть тут одна такая.

– Но так как Адам приемлет лишь один вид отношений, этому никогда не бывать.

– Значит, предложи он тебе свой счастливый контракт, ты бы отказалась?

– Конечно, – горячо заверяет она, однако мне достаточно её секундной заминки с выбором правильного ответа, чтобы в уме дополнить: «Конечно, согласилась бы».

Тут и к гадалке ходить не надо: «незаменимая помощница», строя передо мной сейчас святую праведницу, только и делает, что сутками напролёт грезит, как когда-нибудь станет одной из счастливиц Харта. Но до её заветных мечтаний мне нет никакого дела. Весь этот опрос я устроила чисто в желании поболтать, ведь порядком соскучилась по человеческому общению, и чтобы понять – была ли Сара той, кто все прошедшие недели ублажал Адама вместо меня? Его точно должен был кто-то расслаблять. Не верю я, что он не прихо-

дил ко мне и при этом не трахался где-то на стороне. Другой причины моим затянувшимся каникулам в одиночестве я просто не нахожу. Но раз уж снять напряжение ему помогает не Сара, то должен быть кто-то другой.

– Если ты у него чисто для офисной работы, тогда с кем ещё Адам может удовлетворять свои потребности? – решаю напрямую задать интересующий меня вопрос, зарабатывая этим недоумённый, хмурый взгляд секретарши.

– А ты разве у него не для этого?

– Для этого, но, возможно, есть кто-то ещё? Не думаю, что Адаму достаточно одной женщины. Предполагаю, он любит разнообразие.

Она фыркает и смотрит на меня, как на несмышлёного ребёнка.

– У него времени нет на всё это разнообразие, о котором ты говоришь. Он с утра до вечера работает. Как понимаю, даже на тебя он время найти не может. Куда ему ещё женщины? Или же он по другой причине избегает твоих профессиональных услуг? Неужели Адам так быстро понял, что крупно ошибся при выборе новой шлюхи по контракту? – не без злорадства проговаривает мымра, пока меня изнутри сжирает исключительно любопытство.

Я уже который день кряду задаюсь теми же вопросами: на кой чёрт нужно было так долго за мной бегать, принуждать, всячески усложнять мне жизнь, угрожать, пытаться стереть память, запирать в комнате, чтобы потом игнорировать? Где

логика? Где?

– И я вообще-то серьёзно спрашивала у тебя, – недовольно цедит Сара, прерывая поток моих мыслей.

– О чём?

– Что такого Адам в тебе нашёл? Не понимаю. Одной внешностью его не возьмёшь – это уже давно известно. Сильной «устойчивостью» тоже не удивить. Манеры у тебя как у несуразного подростка. Такая богиня секса, что ли? За десять миллионов ты наверняка должна невиданные чудеса в постели творить. Но если это так, почему тогда он буквально нос воротит от твоих вызывающих предложений? Да и ещё в комнате тебя держит? Я ведь правильно поняла? Он тебя запер в четырёх стенах за что-то? Ни с кем из других шлюх он так не делал, также как и никому никогда не позволял себя вести в общении с ним подобным образом, каким делаешь это ты. С тобой он сам не свой. Так поведай же мне, *Лина*, что же в тебе такого особенного, чего не было в других, что заставляет Адама вести себя так странно? – слегка наклонившись вперёд, спрашивает Сара.

Ух... если бы её голосом можно было отравлять, я бы уже давно корчилась в предсмертных конвульсиях.

– Богатый внутренний мир, – забавляясь её нескрываемой завистью, отвечаю на «отвяжись».

С кем с кем, а с ней обсуждать свою *особенность* я точно не собираюсь, как и отвечать на все остальные вопросы.

– Ну, разумеется, – не удовлетворившись ответом, пока-

чивает головой она. – Грязная, невежественная плебейка, которую не замаскировать в тебе даже самой дорогой одеждой, безусловно, может поразить такого мужчину, как он. Смешно просто.

Ох, Сарита, а мне-то как смешно... стало... как только мне удалось спрятать свою истерзанную Адамом душу за защитными стенами.

– Смешно, не смешно, но, как видишь, может, – проговариваю ровным тоном.

Её слова меня нисколько не коробят. В то время как моё спокойствие лишь добавляет пороха к её неприязни ко мне.

– Да, вижу я, как ты можешь. – Она спускает взгляд к моим бёдрам. – Насмотрелась вдоволь. Давай уже прикрывай свой «богатый мир». Передо мной им сверкать точно не надобно.

– Так, подожди! Я что, пропустила момент, когда спрашивала у тебя, что мне следует делать? Вроде бы нет. Не нравится – не смотри или пересядь куда-нибудь. В самолёте места много. Мне же и так вполне комфортно. Мы – плебейки – сидим только так, как нам удобно, а не так, как того требует этикет, рубишь фишку? – наигранно проговариваю я и вальяжно откидываюсь на удобную спинку кресла, даже не планируя выполнять требование мымры.

Однако очень жаль, что буквально через минуту сдвинуть ноги всё-таки приходится, дабы не проявить нечаянно свои красоты перед милым Роджером. Адам точно прибудет и ме-

ня, и бедного паренька, если узнает, что ему повезло что-то разглядеть у меня под платьем.

– Спасибо большое, – благодарю любезно улыбающегося стюарда, после того как он ставит передо мной поднос с множеством еды.

Тут и круассаны, и булочки, и аккуратно нарезанные фрукты с ягодами, сыры, йогурт, несколько видов орехов, джемов и много другого, названия чему я даже не знаю.

Роджер постарался на ура! Молодчинка. У меня за пару секунд полный рот слюней собирается, а живот радостно урчит в предвкушении всё испробовать, будто и не завтракала вовсе всего пару часов назад.

– Вам повторить, мисс? – парень указывает взглядом на мой пустой стакан, но ответить я не успеваю.

За меня это делает строгий мужской голос:

– Нет. Нам ничего больше не нужно. До конца полёта ты свободен, – не бросив на меня и короткого взгляда, Адам возвращается на своё место и вновь сосредоточенно утыкается в планшет.

Внешне он выглядит в разы спокойнее, чем до ухода, но бьющая от него электромагнитная энергия выдаёт его непомерное возбуждение и злость – это я понимаю по резко усилившимся содроганиям влюблённой в него мымры. Сама же, к счастью, я ничего не ощущаю и преспокойно приступаю к поеданию еды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.